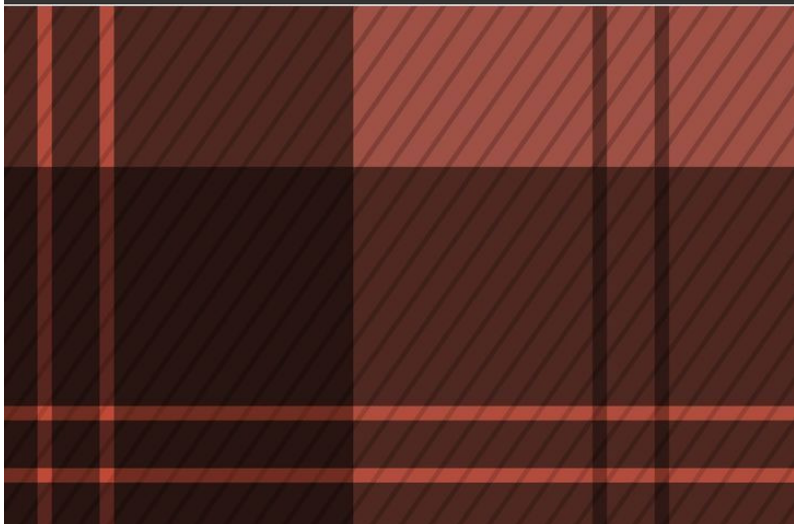

18+ Сергей Степанов-Прошелец

Предшественники бен Ладена

Книга третья: Всё шло к тому...

Сергей Степанов-Прошельцев
Предшественники бен Ладена.
Книга третья: Всё шло к тому...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937413
ISBN 9785005320261*

Аннотация

Истоки терроризма теряются в глубине тысячелетий. Террор по отношению к угнетённым прослеживается при всех общественных формациях, и как от него избавиться, не знает никто. В данном трёхтомнике рассказывается о зарождении терроризма в России, о его становлении и о том времени, когда он был государственной политикой. Приводится много фактического материала, ранее не использованного.

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ	5
ТЕОРИЯ РАЗРУШЕНИЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Предшественники
бен Ладена
Книга третья:
Всё шло к тому...**

**Сергей Степанов-
Прошельцев**

© Сергей Степанов-Прошельцев, 2021

ISBN 978-5-0053-2026-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0053-0527-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Сергей СТЕПАНОВ-
ПРОШЕЛЬЦЕВ
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
БЕН-ЛАДЕНА**

Книга третья: Всё шло к тому...

ТЕОРИЯ РАЗРУШЕНИЯ

Эсеры, как и народовольцы, считали террор единственным способом борьбы с самодержавием. Схема их «революционной» идеи включала заговор, низложение монарха, учреждение временного правительства, созыв всенародного земского собора (Учредительного Собрания) и передача ему всей власти в стране.

Не правда ли, что-то очень похожее изобразили большевики? Они воспользовались этой схемой захвата власти. Только ни о какой передаче власти народу и не помышляли. Захват власти, как правило, кончается одним – наркотическим упоением от того, чем ты обладаешь.

Разумеется, нет никаких оснований реабилитировать самодержавие. Деспотизм есть деспотизм. При царизме тоже вешали, пытали, расстреливали, назначали сроки наказания, совершенно несоразмерные степени вины. И вместо того, чтобы проявлять милосердие, Николай II и его свита только закручивала гайки.

Вместе с тем, по подсчетам историка Бориса Николаевского, автора книги «История одного предательства» (Москва, издательство «Высшая школа», 1991), только с 1902 по 1911 год более двухсот раз рвались эсеровские бомбы и раздавались револьверные выстрелы. Пик террора пришелся на 1906 год: было убито 768 и ранено 820 человек.

Как на войне.

«Кроты» боевиков

В апреле 1906 года в варшавских газетах появились сообщения о том, что на квартиру протоиерея Юрия Татарова явился неизвестный человек и убил его сына. Но это было не обычное уголовное преступление. Это была месть предателю.

Николай Татаров считался одним из виднейших революционеров-нелегалов. Арестованный в феврале 1901 года, он вернулся из ссылки в 1904 году уже завербованный охранкой. И боевая организация эсеров как-то сразу сникла. Провал за провалом, арест за арестом. Ясно, что среди руководства завелся «крот». Подозрение пало на Татарова.

Вторым «кротом» был Азеф, который уже давно сотрудничал с полицией. И один предатель высказался за физическое устранение другого. Его поддержали. А исполнить приговор вызвался нижегородец Фёдор Назаров.

«Фёдор Назаров, – писал Борис Савинков в своей книге „Воспоминания террориста“, – принадлежал к тем людям, которые, однажды решившись, без колебания отдают свою жизнь... Пережив сормовские баррикады, он вынес с завода презрение к массе, к её колебаниям и её малодушию. Он не верил в её созидательную силу и, не веря, неизбежно должен был прийти к теории разрушения» (Савинков Б. Л. Избранное. Москва, Политиздат, 1990). Добавим: и немислимой жесто-

кости. Назаров не только заколол ножом Татарова, но ещё и дважды выстрелил в его мать.

Кто есть кто

*Николай Татаров (1877—1906) выдал охранке Николая Тютчева, Прасковью Ивановскую, Анну Якимову-Диковскую, Егора Дулебова, Татьяну Леонтьеву, Давида Боршанского и многих других членов Боевой организации эсеров. Евно Азеф понял, что его монополия на осведомительство окончилась, и он решил устранить конкурента. Оба провокатора взаимно обвиняли друг друга в провалах партии, но к смерти был приговорён именно Н. Ю. Татаров. 22 марта 1906 года на своей квартире в Варшаве он был убит на глазах у родителей.

*Фёдор Назаров (годы жизни неизвестны) – слесарь Сормовского завода, член Боевой организации партии социалистов-революционеров. Участник покушения на Нижегородского губернатора К.П.Фредерикса. В мае 1906 года вместе с другими членами Боевой организации был арестован после неудачного покушения другими боевиками (не было согласованности в действиях) на генерала В. С. Неплюева в Севастополе. Был осуждён к четырём годам каторжных работ. Бежал из мест заключения и был или повешен, или убит при переходе границы.

*Владимир Неплюев (1847-?) – комендант Очаковской, Севастопольской и Ковенской крепостей, Окончил Николаевскую инженерную академию, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, награждён орденами. 6 (19) декабря 1902 года произведён в генерал-лейтенанты.

14 (27) февраля 1907 года Неплюев был назначен комендантом Ковенской крепости. До того, как он отбыл из Севастополя к новому месту службы, на него было произведено повторное покушение, при котором он был контужен.

В ноябре следующего года он вышел в отставку. Проживал в Гатчине.

Здесь «залегали на дно»

Нижний Новгород для членов боевой организации эсеров был местом, где «залегали на дно», если кто-то замечал за собой слежку. Такого частого штыков и шпиков, как в Питере или Москве, в тихом провинциальном городе не просматривалось. Поэтому иной раз тут устраивались «сходняки». Сюда приезжали Лев Зильберберг, его жена Ксения, Дора Бриллиант, Маня Школьник, Рашель Лурье, Аарон Шпайзман, бывший член «Народной Воли» Анна Якимова, Владимир и Борис Вноровские, Максимилиан Швейцер, Давид Борианский, Иван Каляев, Борис Савинков и даже обер-провокатор Азеф. Они, конечно же, общались с местными боевиками, которых, впрочем, было негусто. История сохранила три фамилии: Фёдора Назарова, Александра Калашнико-

ва и Ивана Двойникова.

В качестве «вступительного экзамена» троице киллеров, которая болталась без дела, в конце 1905 года поручили убить нижегородского губернатора Павла Унтербергера. Но того только что сменил Константин Фредерикс. Вышла заминка. И всё-таки эсеры решили разделаться и с ним. Но экзамен боевики провалили. В рядах нижегородских революционеров было немало «стукачей». Согласно смете расходов Нижегородского охранного отделения в 1902 году на агентурную работу тратилось 6300 рублей – почти треть всех бюджетных средств.

Фредерикса предупредили, и он остался жив в отличие от уфимского губернатора Богдановича и великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы. Первого шестью выстрелами из браунинга убил Егор Дулебов, а второго – взрывом бомбы – друг детства Савинкова Иван Каляев.

Подготовка к покушению на нижегородского губернатора едва не привела к аресту нижегородской троицы. Пришлось срочно уносить ноги.

Кто есть кто

*Егор Дулебов (1883—1908) – российский террорист, член [Боевой организации эсеров](#). С юношеских лет работал слесарем в железнодорожной мастерской в городе Уфе. Познакомился с Егором Созоновым, высланным в Уфу под по-

лицейский надзор за участие в студенческих беспорядках. Созонов познакомил Дулебова с руководителем Боевой организации социалистов-революционеров» Григорием Гершуни. Тот предложил Дулебову совершить убийство генерал-губернатора Николая Богдановича, приговорённого к смерти партией эсеров за расстрел бастовавших рабочих Златоуста. Дулебов согласился.

В день проведения акции, 6 (19) мая 1903 года, Дулебов отправился в городской сад, где любил гулять губернатор. Подойдя к нему, террорист несколько раз выстрелил, бросил листок с приговором «Боевой организации» и побежал. Полицейские пытались организовать преследование, но Дулебов начал стрелять, и вскоре они отстали. Убийца скрылся из города вместе с Гершуни, потом его переправили за границу. Сам же Гершуни вскоре был арестован в Киеве и приговорён к бессрочной каторге.

Перед убийством Богдановича Дулебов написал письмо, адресованное членам Боевой организации: «Товарищи, думаю, что мне не нужно объяснять вам, почему я иду убивать губернатора, думаю, что вы хорошо понимаете, что это необходимо. Нельзя допускать, чтобы нас давили, как рабов, нельзя допускать, чтобы нашу кровь проливали, как воду. А за свою свободу, за свое счастье мы должны сами бороться. Но я хочу, товарищи, сказать вам одно: я иду выполнить приговор Боевой организации не потому, что не верю в рабочее движение, и сознаю, что если не будем

наказывать разбойников и палачей народа, то падет дух, и мы не будем двигаться вперед. Может быть, скажут, что я повредил рабочему движению своим поступком. Могу сказать, товарищи, вредить я не хотел, думал много над этим, чувствую и верю, что это нужно сделать, потому что за каждый мирный протест нас ожидает наглое издевательство. Выходя на демонстрацию, не успеем поднять знамя, как на нас сейчас же налетают озверелые казаки, жандармы и шпионы, и начинается дикая расправа: бьют нагайками, бьют шашками, топчут лошадьми, увозя в участок, нагло издеваются над личностью демонстрантов. Кто виноват во всех этих зверствах? Наши министры, генерал-губернаторы и губернаторы. И вот я считаю счастьем, что на мою долю выпало отомстить этому извергу... По произволу его было пролито много крови златоустовских рабочих. А за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей. И вот я от всей души хочу принести своим братьям пользу... Верю, что мы победим. Верю, что хищный коршун, т.е. царское самодержавие, которое рвет на части русский народ, не долго ещё будет пить нашу кровь».

Через некоторое время Дулебов под фамилией Агапов вернулся в Россию. Весной 1904 года принимал участие в покушении на министра внутренних дел В. К. Плеве.

В марте 1905 года Дулебов в числе 17 членов «Боевой организации» по наводке Николая Татарова был арестован.

Почти все его товарищи были освобождены по амнистии, но Дулебова амнистия не коснулась: он сошёл с ума и был отправлен в психиатрическую больницу. Там он и умер, так и не назвав своего настоящего имени.

*Николай Богданович (1856 1903) – генерал-губернатор Уфы. Ранее был товарищем прокурора Киевской губернии и Петербургского окружного суда, вице-губернатором в Риге, возглавлял Главное тюремное управление.

*О самых известных боевиках чуить позже. Из этой обоейшы выпадает

Владимир Вноровский (годы жизни неизвестны) – брат Бориса Вноровского. Участник покушения на адмирала Фёдора Дубасова в апреле 1905 года. После другого неудачного покушения – на генерала Александра Каульбарса – эмигрировал.

*Барон Александр Каульбарс (1844-1929) – русский военный деятель и учёный-географ, генерал от кавалерии, один из организаторов русской военной авиации. Министр обороны и председатель совета министров княжества Болгарского в 1882—1883 годах.

Воевал с турками и персами. Участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн (на стороне белых). Исследователь Китая, Тянь-Шаня и Аму-Дарьи. Основатель

города Каракола (Пржевальска), действительный член Русского географического общества..

Эсеры мстили ему за то, что в годы Первой русской революции Каульбарс зарекомендовал себя как один из вождей одесских монархистов. В эмиграции жил в Болгарии и Франции.

*Давид Боршанский (1873-?) – террорист, член Боевой организации эсеров, один из участников покушения на министра внутренних дел В. К. Плеве. Был руководителем Киевского отдела Боевой организации, готовил покушение на генерал-губернатора Н. В. Клейгельса, закончившееся неудачей. Арестован в марте 1905 года, в ноябре приговорен Петербургским военно-окружным судом к 7 годам каторжных работ. В то же время свидетельств о его пребывании на каторге нет, и это рождает много вопросов.

*Николай Клейгельс (1850-1916) был участником русско-турецкой войны 1877—1878 годов. 13 (25) февраля 1888 года назначен обер-полицмейстером Варшавы, а 6 (18) декабря 1895 года – градоначальником города на Неве. И в Варшаве и в Санкт-Петербурге проявил жестокость при подавлении революционных выступлений. Как и в бытность губернатором Киевским, Подольским и Волынским. Именно здесь прокатилась волна еврейских погромов. За попустительство черносотенцам 19 октября 1905 года Клей-

гельс был уволен.

*Павел Унтербергер (1842-1921) – русский военный и государственный деятель, военный губернатор Приморской области (1888—1897), нижегородский губернатор (1897—1905), Войсковой атаман Уссурийского казачьего войска, Приамурский генерал-губернатор (1905—1910). Инженер-генерал.

В 1862 году окончил Николаевское инженерное училище, а в 1868-м – Николаевскую инженерную академию. В 1870 году в звании капитана был откомандирован в Туркестан. Служил в Иркутске при окружном инженерном управлении Восточно-Сибирского военного округа. Занимался строительными работами в малоосвоенных местностях Дальнего Востока. Вёл большую исследовательскую работу, изучая военную географию обширных территорий. Посетил Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гонконг, Японию.

В апреле 1878 года произведён в полковники и назначен заведующим инженерной частью Восточно-Сибирского военного округа. Разработал план размещения оборонительных сооружений вокруг Владивостока.

.Унтербергер провёл в должности военного губернатора Приморской области почти 9 лет. За это время при его участии были построены Уссурийская железная дорога, порт, плавучий и береговой доки, множество жилых и служебных зданий, введены в строй медицинские и учебные заведе-

ния, получила развитие торговля, установлены рейсы судов по приморскому побережью, открыты мореходные классы, обнаружены большие запасы угля в Сучане (ныне – город Партизанск) и начата его добыча, основано множество населённых пунктов на территории Приморья.

В 1897 году Унтербергер был назначен Нижегородским губернатором. В Нижнем Новгороде он построил каменные причалы, обустроил места швартовки судов. Выступил инициатором выкупа болдинского имения А. С. Пушкина с целью создания государственного мемориального музея.

В его губернаторство произошла первомайская демонстрация в Сормово, был арестован Петр Заломов. Эсеры во главе с Борисом Савинковым собирались устроить покушение на Унтербергера.

Но его отправили опять в Приморье. От греха подальше. Он завершил службу на Дальнем Востоке в 1910 году, когда ему было 68 лет

*Барон Константин Фредерикс ([1858-1910](#)) – Нижегородский губернатор (1905—1906). Двоюродный брат министра Императорского двора [Владимира Фредерикса](#). Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов.

Ни особыми способностями, ни деловой инициативой Константин Платонович не отличался. Серьёзные неприятности начались у него в 1905 году, когда Фредерикс после отставки Павла Унтербергера стал Нижегородским губер-

натором. Он не нашёл в себе сил для противодействия революционной анархии. Отстранён от должности и осужден в 1906 году за финансовые махинации.

*Пётр Заломов (1877—1955) – участник революционного движения в России, прототип героя романа Максима Горького «Мать» Павла Власова.

Они впервые встретились летом 1905 года в финском городе Куоккала – писатель и его герой, сбежавший из сибирской ссылки с помощью денег, присланных Горьким. Такой вот занятный жизненный сюжет.

Петр Заломов родился в Сормово (тогда село ещё не входило в состав Нижнего Новгорода) и был на 9 лет моложе «Буревестника». В своих воспоминаниях он рассказывал о Сормово гораздо более подробнее, чем Горький. Но не всё было так, как представляли читателям Алексей Максимович и Заломов.

Первый марксистский кружок появился в Сормово в 1891 году, а первую маевку провели здесь спустя три года. Вернее, не здесь, а в местечке Слуда. Присутствовал при съёме и Заломов. Его соответствующим образом обработал к этому времени мастер Яков Пятибратов. Под его влиянием Петр бросил пить и участвовать в кулачных побоищах.

Как вспоминал он, на первую маевку собралось всего человек двадцать – в основном студенты. Раза в три было больше народа на маевке в следующем году, которую прове-

ли на Моховых горах. Тогда дошло дело и до пламенных речей, и до революционных песен под водку. В 1896 году на маёвку собралось уже около ста человек.

Несмотря на то, что из конспирации очередную маёвку, которая тоже сопровождалась обильным возлиянием, провели в начале июня, нашёлся стукач, который выдал жандармам практически всех её участников. По-видимому, это был агент охраны, которого спустя несколько лет по наущению Якова Свердлова забили до смерти дубинками. Начальник охранного отделения ротмистр Александр Грешнер нашёл всех участников убийства. Их арестовали, но вскоре выпустили, так как вину доказать не удалось.

Но это случилось в 1904 году. А в 1896 году были арестованы все участники маёвки. Все, за исключением Заломова. И возникает коварный вопрос: почему его обошли стороной?

Заломов объясняет это так. В отличие от товарищей, которые признали свою вину, он якобы прикинулся совершенным дебилом. «Вымазал лицо голландской сажеей с маслом, запихал в каждую ноздрю по маленькому кусочку грязной ваты. Дыхание затруднялось, рот полуоткрыт, – глянул в зеркало – дурак дураком», – писал он много лет спустя (Семья Заломовых. Воспоминания. Москва, издательство «Советский писатель», 1956).

Номер вроде бы удался. «Дурака» отпустили. 40 арестованных были высланы из Сормово, остальные получили тюремные сроки. Начальник Нижегородского жандармского

управления Александр Грешнер в апреле 1905 года был убит эсером Александром Никифоровым – возможно, с подачи Якова Свердлова. Никифорова казнили в августе 1905 года.

Но не верится тому, что Заломов «косил под дурака». Опытный жандарм Веский сразу бы это распознал. В отчете за 1898 год он сообщал, например, что Петр Заломов «представляет из себя весьма серьезную, убежденную в политическом отношении личность» (ГКУ ЦАНО).

И тут непонятно всё. Заломов убеждает читателей, что жандармы считают его дураком, а жандармы, наоборот, зачисляют слесаря в лидеры социал-демократов. Кто кого хочет обмануть? И для чего? Чтобы скрыть истинную роль, которую сыграл Заломов в первой русской революции? Но какова в этом случае его роль истинная?

Незадолго до суда над демонстрантами срок ссылки Горького истёк, и он вернулся в Нижний Новгород. И забот у него было много. Он встречается с матерью Заломова, с гражданской женой Заломова Жозефиной Гашер, известной по партийной кличке как «Мария Ивановна», нанимает адвокатов для подсудимых, передаёт деньги на устройство подпольной типографии для выпуска прокламаций, редактирует текст последнего слова главного обвиняемого, пишет воззвание «К обществу», в котором разъясняет истинный смысл предстоящего суда. Не отметил только одного: процесс, затеянный властями, был хорошей рекламой революционерам.

29 октября (11 января) 1902 года в газете «Нижегородский листок» появилось краткое сообщение, о том, что по 252-й статье Уложения о наказаниях перед судом предстали крестьянин Петр Заломов, мещане Алексей и Михаил Быковы, горнозаводский мастеровой Егор Наумов и другие – всего 14 человек. Больше никаких заметок об этом ни в одном нижегородском издании не появлялось. Суд проходил при закрытых дверях.

Пересказывать его ход нет смысла. Об этом можно узнать из романа «Мать». Там же цитируется и речь Заломова, которую для него написал Горький. Тут интересно другое. За участие в демонстрации полагалась каторга, но Заломова и пятерых его товарищей отправили в сибирскую ссылку. Остальные вообще отделались лёгким испугом.

В марте 1903 года Петр Заломов оказался в селе Маклаково Енисейской губернии. Условия ссылки были «невыносимо тяжёлыми». Заломов получал ежемесячное пособие от государства в размере 8 рублей, 15 рублей аккуратно присылал Горький. Привезла с собой деньги и прибывшая в Маклаково Жозефина. Можно было и не работать.

Петр Андреевич развлекал себя рыбалкой и охотой. Река кишела рыбой, зверья тоже водилось в изобилии. И Заломов, что называется, отрывался на все сто. Даже об экологии заботился. «Собирали мы и малину, – писал он в своей автобиографической повести „Моя жизнь“ (П. Заломов. За-

прещённые люди. Москва, издательство „Правда“, 1985), – но вблизи её было мало. Однажды с берестяными туесами в руках отправились за малиной в дальнюю экскурсию. По дороге увидели заросли черемухи, где молодые деревья, толщиной около двух вершков, были согнуты в дуги. Я понял, что это медведь согнул их „с терпеньем и не вдруг“, для того, чтобы обсосать ягоды».

А дальше следовало гневное охаивание местных жителей за то, что нередко поступают, как медведи, губя природу. И говорить им об этом в глаза бесполезно – не поймут.

Но несмотря на присутствие медведей, неотесанных в экологическом отношении сельчан, молодой и красивой соратницы по революционной борьбе, которая, правда, была его старше, Петр Заломов затосковал по смраду заводских корпусов и демонстрациям под красным стягом. И Горький присылает ему триста рублей на организацию побега. На удивление этот побег был удачным. Пошёл вроде бы Заломов поохотиться и пропал. Искать не стали. Решили, что медведь задрал – надоело косолапому, видимо, черемухой пробавляться. Вот и прореагировал на критику со стороны ссыльного соответствующим образом.

Интересно, что Заломов отважился на побег, казалось бы, в самый неподходящий момент – в январе 1905 года родилась дочь Галина. Тем не менее, Юзя (так он звал Жозефину) активно помогала мужу в организации этого побега. То, что на неопределенное время она останется од-

на, за тысячи верст от мужа с трехмесячным грудничком на руках её, казалось, не беспокоило.

За две недели до побега Пётр и Юзя отправились к священнику. Их обвенчали, несмотря на то, что Юзя была лютеранкой, а Пётр – православным. Вдобавок ко всему принять веру мужа женщина категорически отказалась. Когда полиция явилась к Жозефине с расспросами, та предстала им в образе несчастной брошенной жены. Пётр же без особых проблем добрался до Киева. Законспирироваться ему оказалось проще простого – его привыкли видеть с окладистой чёрной бородой, а он взял и сбрил всю свою пышную растительность.

Несколько дней жил Заломов на даче Горького. Потом вроде бы доставлял оружие для рабочих Москвы, формировал рабочие дружины. Но не во всё верится. И есть одна очень большая странность. Беглый ссыльный, к тому же боевик, Петр Заломов, по идее, должен был понести наказание по всей строгости, вплоть до применения высшей меры – расстрела. Но Заломова сослали даже не в Сибирь, а в Курскую губернию.

Собственно говоря, Заломов сослал себя в деревню Гончаровку под Суджей сам. В Судже главным уездным врачом был назначен Тимошин, супруг старшей сестры Петра Елизаветы, там же находилась Жозефина, и он попросился именно туда. Пётр Андреевич привык к тому, чтобы его кто-то опекал: то мастер Яков Пятибратов, то Горький,

то его любимая Жозефина. В этом они с «Буревестником» были просто близнецы-братья.

Заломов и здесь официально нигде не работал. Он увлекся садоводством, даже с Иваном Владимировичем Мичуриным познакомился. Тот прислал ему саженцы яблонь из своего сада. Росли у Петра Андреевича виноград, фундук и маньчжурский орех.

Тогда же он ударился в писательство. Из-под его пера вышла автобиографическая повесть «Петька из Вдовьего дома», ещё одна повесть — «Моя жизнь», «Воспоминания» и стихи. Но слово «стихи» надо взять в кавычки. Они были совершенно безграмотны.

Революция, которую так ждал Заломов, снова бросила его в гущу борьбы. Он принимает участие в создании Советов в Курской губернии. Но тут началась гражданская война. Сначала Заломова арестовывают гайдамаки, а потом — денкиницы. Он каким-то чудом и в тот, и в другой раз избежал расстрела, что порождает бесчисленные вопросы. Но его выпускают из тюрьмы, и вскоре садовод-самоучка учреждает колхоз «Красный Октябрь». О профессии слесаря Заломов забыл напрочь.

С Максимом Горьким сормовский знаменосец не встречался 12 лет. Они увиделись в декабре 1917 года в Петрограде, куда Заломова откомандировали на Всероссийский крестьянский съезд. Последняя встреча датируется 1934 годом. Но прежней теплоты в их отношениях уже не чувство-

валось.

Во время Великой Отечественной войны Заломов курсирует по госпиталям, рассказывает раненым о своей жизни. Его вместе с семьёй эвакуировали в город Горький. Умер он в 1955 году.

*Александр Грешнер (1867—1905) – начальник Нижегородского охранного отделения в 1903—1905 годах. Окончил юнкерское училище. Служил в пограничной страже. 20 декабря 1896 года зачислен в Отдельный корпус жандармов. В корне перестроил работу Нижегородского охранного отделения. При нём количество тайных осведомителей сравнялось с числом штатных сотрудников. Это был человек аналитического склада ума, который мог с ходу оценить сложившуюся ситуацию и принять единственно правильное решение. Помимо всего прочего, Грешнер публиковал свои стихи и литературоведческие статьи в самых популярных журналах – «Нива», «Родина» и других, понимал толк в искусстве. Если же попытаться, то Грешнер был одним из наиболее талантливых представителей политического сыска России, который боролся с революционерами не за чины, не за страх и не за деньги. В его понимании те, кто исповедовал насильственное свержение существующего строя, представлял собой злокачественную опухоль на теле великой империи.

В ночь с 28 на 29 апреля 1905 года Грешнер был убит,

когда возвращался домой из театра. Средств на его похороны, не имевшего в Нижнем Новгороде родственников, не было, вдова убитого Ольга Александровна просила помощи у жандармов. Она осталась одна с четырьмя малолетними детьми. Недавно выяснилось, что Ольга Грешнер умерла в эмиграции. Внуки Грешнера обнаружались в Австралии.

*Александр Никифоров (1882—1905) – эсер, убийца А. Грешнера. Он был сыном народника Льва Павловича Никифорова, близкого к Сергею Нечаеву, не раз подвергался аресту. В семье Никифоровых было четверо сыновей: самого младшего, Александра, повесили, другой сын сгорел от чехотки на каторге, третьего сослали в Якутию, а четвёртый облился керосином и покончил жизнь самоубийством в знак протеста против содержания его в тюрьме.

После погони со стрельбой, в результате которой был смертельно ранен караульщик Курицын, убийца Грешнера сложил оружие. Он был повешен в нижегородском остроге в ночь ранним утром 12 (25) августа 1905 года. С казнью спешили. Существовала опасность, что террориста могут освободить: в это время в городе происходили серьёзные беспорядки. 4 (17) августа «Нижегородская земская газета» писала о том, что «столкновения толпы (это были черносотенцы, – С.С.-П.) с демонстрантами и агитаторами имели место... За два дня были 7 человек убитых, 33 раненых. Кроме того, 17 лицам, обратившихся за врачебной помощью,

сделана перевязка».

Палача для казни Никифорова долго не могли найти. Пристав Пуаре посулил за это 25 рублей – большие по тем временам деньги. Только забулдыга Григорий Меркулов вызвался отправить на тот свет террориста. «Гришка был... человек, лет тридцати пяти, длинный, тощий, жилистый, на его лошадиной челюсти росли кустики темной шерсти, из-под колючих бровей мечтательно смотрели полусонные глаза, – вспоминал Максим Горький. – Повесив Никифорова, он купил красный шарф, обмотал им свою длинную шею с огромным кадыком, перестал пить водку и начал как-то особенно солидно и гулко покашливать. Приятели спрашивают его:

– Ты что, Гришка, важничаешь?

Он объяснил:

– Нанят я для тайного дела в пользу государства! Но когда он проговорился кому-то, что повесил человека, приятели отшатнулись от него и даже побили Гришку. Тогда он обратился к приставу охранного отделения Кевдину с просьбою разрешить ему носить красный кафтан и штаны с красными лампасами.

– Чтобы штатские люди понимали, кто я, и боялись трогать меня погаными руками, как я – искоренитель злодеев.

Кевдин сосватал его ещё на какие-то убийства, Гришка ездил в Москву, там кого-то вешал и окончательно убедился

в своей значительности. Но, возвратясь в Нижний, он явился к доктору Смирнову, окулисту и «черносотенцу», и пожаловался, что у него, Гришки, на груди, под кожей вздулся «воздушный пузырь» и тянет его вверх.

– Так сильно тянет, что я едва держусь на земле и должен хвататься за что-нибудь, чтобы не подпрыгивать, на смех людям. Случилось это после того, как я подвесил какого-то злодея, в груди у меня ёкнуло и начало вздуваться. А теперь так стало, что я даже спать не могу, тянет меня по ночам к потолку – что хошь делай! Всю одежду, какая есть, я наваливаю на себя, даже кирпичи кладу в рукава и карманы, чтобы тяжелее было, – не помогает. Стол накладывал на грудь и живот, за ноги привязывал себя к кровати – все равно, тянет вверх. Покорнейше прошу взрезать мне кожу и выпустить воздух этот, а то я скоро совсем лишусь хода по земле.

Доктор посоветовал ему идти в психиатрическую больницу, но Гришка сердито отказался.

– Это у меня грудное, а не головное...

Вскоре он, упав с крыши, переломил себе позвоночник, разбил голову и, умирая, спрашивал доктора Нифонта Долгополова:

– Хоронить меня будут – с музыкой?

А за несколько минут до смерти пробормотал, вздохнув:

– Ну вот, возношусь...» (Горький М. Собрание сочинений

в 30 томах. Москва-Ленинград, Государственное издатель-

ство художественной литературы, 1949—1955, т.5)

– *Кара Господня!* – говорили нижегородцы.

Коробка с ленточкой

Вскоре Двойников, Назаров и Калашников вместе с Борисом Вноровским и Савинковым начинают готовить покушение на министра внутренних дел Дурново и московского генерал-губернатора Дубасова. И 24 апреля 1906 года теракт в отношении Дубасова состоялся. Вот как описывала события того дня газета «Путь»: *«Когда лошади поворачивали из Чернышевского переулка на Тверскую, от дома Варгина сошёл на мостовую молодой человек в форме морского офицера. В одной руке у него была коробка, перевязанная ленточкой, как перевязывают конфеты; в ленточку был воткнут цветок, — не то левкой, не то ландыш. Приблизившись к коляске, он взял коробку в обе руки и подбросил её под коляску. Прогредел взрыв, лошади понесли, адмирал (Дубасов – С.С.-П.), поднявшись с земли, пошёл к генерал-губернаторскому дому; тут его подхватили городовые и помогли дойти до подъезда. Графа Коновицына выбросило на левую сторону; у него было повреждено лицо, раздроблена челюсть, вырван левый бок, раздроблены обе ноги и повреждены обе руки. Он тут же скончался... Человек, покушавшийся на жизнь адмирала, пал жертвой своей бомбы. У него снесло верхнюю часть черепа, при нём найдены два паспорта, оба фальшивые... От взрыва пострадали кучер Птицын*

и дворник генерал-губернаторского дома» (Путь, 1906, 25 апреля).

Судьба тогда пощадила нижегородских террористов – погиб их товарищ Борис Вноровский.

Кто есть кто

*Фёдор Дубасов (1845-1912) – русский военно-морской и государственный деятель, адмирал. На посту московского генерал-губернатора руководил подавлением Декабрьского вооружённого восстания 1905 года. Перед этим умирлял волнения крестьян в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. Расстреливал задержанных на месте без суда.

Полиция сумела предупредить два покушения на адмирала, но 23 апреля 1906 года в 12 часов дня, по окончании праздничного богослужения в Большом Успенском соборе, в коляску Дубасова эсер Борис Вноровский бросил бомбу. Адьютант Дубасова граф Коновницын был убит, кучер – ранен, а самому адмиралу раздробило ступню левой ноги.

В июле 1906 Дубасов был уволен от должности генерал-губернатора. 2 декабря 1906 года, в годовщину московского восстания, Фёдор Васильевич прогуливался по Таврическому салу в Петербурге, когда П. Воробьёв и В. Трещаницкий (Березин), члены «летучего террористического отряда» эсеров-максималистов, произвели по нему 13 выстрелов и бросили бомбу, начинённую мелкими гвоздями. Адмирал был оглушён и слегка ранен, но остался жив. Обратился

к царю с просьбой о помиловании приговорённых к смертной казни.

*Граф Сергей Коновницын (1866-1906) окончил Тверское кавалерийское училище. Принял участие в русско-японской войне. Был ранен осколком снаряда в правую ногу. В марте 1905 года возвратился в Москву для лечения. Участвовал в организации монархических партий и союзов.

Во время декабрьского вооружённого восстания в Москве в 1905 году явился к генерал-губернатору Ф. В. Дубасову с просьбой прикомандировать его к какому-то из расположенных в Москве полков. Был назначен заведующим охранной адмирала. Убит эсерами 23 апреля 1906 года.

*Борис Вноровский-Мищенко (1881—1906) – террорист, участник покушения на Ф. В. Дубасова. Обучался в Московском университете, пока не увлёкся революционными идеями. Содействовал побегу из тюрьмы террористки Екатерины Измайлович и помог ей организовать покушение на адмирала Г. П. Чухнина. А вот покушение на Дубасова закончилось весьма печально для Вноровского.

Иван Каляев

Он прожил всего 35 лет, но представлял собой наиболее яркую личность среди террористов Боевой организации партии эсеров. Был убийцей великого князя Сергея Алексан-

дровича.

Родился Каляев в Варшаве в семье околоточного надзирателя. Учился в одной гимназии с Борисом Савинковым. В 1898 году стал членом Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Был выслан в Екатеринослав. 2 (15) февраля 1902 года уехал во Львов, находившийся в то время на территории Австро-Венгрии, но 2 (15) августа того же года был задержан на германо-австрийской границе с грузом нелегальных русских изданий. После двухмесячного заключения в Ярославль, работал в газете «Северный край», где печатались Николай Бердяев, Борис Савинков, Алексей Ремизов, Анатолий Луначарский. Бердяев, Ремизов и Савинков отбывали ссылку в Вологде, а Луначарский – в Тотьме (городке, население которого сокращается с 1996 года и не достигает 10 тысяч человек). Переписывался с Валерием Брюсовым.

16 (29) декабря 1903 года Каляев выехал в Женеву, где вступил в Боевую организацию эсеров. Летом 1904 года участвовал в покушении на министра внутренних дел Вячеслава Плеве.

Борис Савинков в своих «Воспоминаниях террориста» рассказывает о нём подробнее, нежели о других: *«Он шел, волнуясь, с каплями крови на лбу, бледный, с лихорадочно расширенными зрачками. Он говорил:*

– Я верю в террор. Для меня вся революция в терроре. Нас мало сейчас. Вы увидите: будет много. Вот завтра, может

быть, не будет меня. Я счастлив этим, я горд: завтра Плеве будет убит...

Каляев любил революцию так глубоко и нежно, как любят её только те, кто отдаёт за неё жизнь. Но, прирожденный поэт, он любил искусство. Когда не было революционных совещаний и не решались практические дела, он подолгу и с увлечением говорил о литературе. Говорил он с легким польским акцентом, но образно и ярко. Имена Брюсова, Бальмонта, Блока, чуждые тогда революционерам, были для него родными. Он не мог понять ни равнодушия к их литературным исканиям, ни тем менее отрицательного к ним отношения: для него они были революционерами в искусстве. Он горячо спорил в защиту «новой» поэзии и возражал ещё горячее, когда при нем указывалось на её, якобы, реакционный характер. Для людей, знавших его очень близко, его любовь к искусству и революции освещалась одним и тем же огнем, — несознательным, робким, но глубоким и сильным религиозным чувством. К террору он пришёл своим особенным, оригинальным путем и видел в нём не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву» (Савинков Б. В. Избранное. Москва, Политиздат, 1990).

Каляев стал основным исполнителем в покушении на великого князя Сергея Александровича. 2 (15) февраля 1905 года он не бросил бомбу в карету, потому что увидел, что рядом с великим князем сидят его жена и мало-

летние племянники. Только потом, убедившись, что Сергей Александрович один, Каляев решился на убийство. Савинков описывал это так:

«Каляев, простившись со мной, прошел, по условию, к иконе Иверской божией матери. Он давно, ещё раньше, заметил, что на углу прибита в рамке из стекла лубочная патриотическая картина. В стекле этой картины, как в зеркале, отражался путь от Никольских ворот к иконе. Таким образом, стоя спиной к Кремлю и рассматривая картину, можно было заметить выезд великого князя...

«Против всех моих забот, — пишет он в одном из писем к товарищам, — я остался 4 [17] февраля жив. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того, как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернулся. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошёл, поднял её и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошёл... В это время... на меня чуть не наехали сыщицкие сани, и чьи-то руки овладели мной. Я не сопротивлялся.

Вокруг меня засуетились городской, околоток и същик... Я пожалел, что не могу пустить пулю в этого доблестного труса» (там же).

Взрыв бомбы, брошенной Калевым, был слышен даже на окраинах Москвы. Особенно сильный переполох произошёл в здании суда. Многие подумали, что это землетрясение, другие, что рушится само здание суда. Все окна по фасаду были выбиты, судьи, канцеляристы попадали со своих мест. Когда через десять минут пришли в себя и догадались, в чем дело, то многие бросились из здания суда к месту взрыва. На месте казни лежала бесформенная куча, вышиной вершков в десять (около полуметра), состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Голова Сергея Александровича не отыскалась.

«Правительственный вестник» так описывал смерть великого князя: *«Неизвестный злоумышленник бросил в карету его высочества бомбу. Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения. Тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди с левым плечом и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена, с раздроблением бедра, от которого отделилась нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведенного злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь,*

был расщеплен на мелкие куски, и кроме того были выбиты стекла наружных рам ближайшей к Никольским воротам Кремля части зданий судебных установлений и расположенного против этого здания арсенала» (ГАРФ).

7 (20) февраля 1905 года директор Департамента полиции Алексей Лопухин по просьбе вдовы покойного Елизаветы Фёдоровны организовал её встречу с Каляевым. Великая княгиня в тюрьме подарила ему Евангелие и подала прошение императору Николаю II о помиловании террориста, но оно не было удовлетворено. Сам Каляев так оценивал это посещение: *«Правительство решило не только убить меня, но и скомпрометировать... показать, что революционер, отнявший жизнь у другого человека, сам боится смерти и готов... [любой ценой] купить себе дарование жизни и смягчение наказания. Именно с этой целью Департамент полиции подослал ко мне вдову убитого»* (Беренштам В. В. В боях политических защит. Москва-Ленинград, издательство «Книга», 1925).

Савинков излагал это так: *«Мы смотрели друг на друга, — писал об этом свидании Каляев, — не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я — случайно, она — по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать излишнего кровопролития.*

И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на её лице благодарности, если не мне, то, во всяком случае, судьбе,

за то, что она не погибла.

– Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку. Это было для меня символом признания с её стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя.

– Моя совесть чиста, – повторил я, — мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, не только одну.

Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также встал.

– Прощайте, – сказал я. – Повторяю, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я исполнил свой долг, и я его исполню до конца и вынесу все, что мне предстоит. Прощайте, потому что мы с вами больше не увидимся» (Савинков Б. В. Избранное. Москва, Политиздат, 1990).

Впоследствии, в письме от 24 марта (6 апреля), он писал великой княгине:

«Я не звал вас, вы сами пришли ко мне: следовательно, вся ответственность за последствия свидания падает на вас. Наше свидание произошло, по крайней мере, с наружной стороны, при интимной обстановке. Все то, что произошло между нами обоими, не подлежало опубликованию, как нам одним принадлежащее. Мы с вами сошлись на нейтральной почве, по вашему же определению, как че-

довек с человеком, и, следовательно, пользовались одинаковым правом инкогнито. Иначе как понимать бескорыстие вашего христианского чувства? Я доверился вашему благородству, полагая, что ваше официальное высокое положение, ваше личное достоинство могут служить гарантией, достаточной против клеветнической интриги, в которую так или иначе были замешаны и вы. Но вы не побоялись оказаться замешанной в неё: мое доверие к вам не оправдалось. Клеветническая интрига и тенденциозное изображение нашего свидания налицо. Спрашивается: могло ли бы произойти и то, и другое помимо вашего участия, хотя бы пассивного, в форме непротивления, обратное действие которому было обязанностью вашей чести. Ответ дан самим вопросом, и я решительно протестую против приложения политической мерки к доброму чувству моего снисхождения к вашему горю. Мои убеждения и мое отношение к царствующему дому остаются неизменными, и я ничего общего не имею какой-либо стороной моего «я» с религиозным суеверием рабов и их лицемерных владык.

Я вполне сознаю свою ошибку: мне следовало отнестись к вам безучастно и не вступать в разговор. Но я поступил с вами мягче, на время свидания затаив в себе ту ненависть, с какой, естественно, я отношусь к вам. Вы знаете теперь, какие побуждения руководили мной. Но вы оказались недостойной моего великодушия. Ведь для меня несомненно, что это вы – источник всех сообщений обо мне, ибо кто же бы

осмелился передавать содержание нашего разговора с вами, не спросив у нас на то позволения (в газетной передаче оно исковеркано: я не объявлял себя верующим, я не выражал какого-либо раскаяния)» (ГАРФ).

Каляева судили в особом присутствии сената 5 (18) апреля 1905 года. Защищали его присяжные поверенные Жданов и Мандельштам. Когда дали слово Каляеву, он сказал:

«Прежде всего, фактическая поправка: я – не подсудимый, я – ваш пленник. Мы – две воюющие стороны. Вы – представители императорского правительства, наёмные слуги капитала и насилия. Я – один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слёз, разлившееся по всей стране потоками ужаса и возмущения. Вы объявили войну народу, мы приняли вызов. Взяв меня в плен, вы теперь можете подвергнуть меня пытке медленного угасания, можете меня убить, но над моей личностью вам не дано суда. Как бы вы ни ухищрялись властвовать надо мной, здесь для вас не может быть оправдания, как не может быть для меня осуждения. Между нами не может быть почвы для примирения, как нет её между самодержавием и народом. Мы все те же враги, и если вы, лишив меня свободы и гласного обращения к народу, устроили надо мной столь торжественное судилище, то это еще нисколько не обязывает меня признать в вас моих судей. Пусть судит нас не закон, облеченный в се-

наторский мундир, пусть судит нас не рабье свидетельство сословных представителей по назначению, не жандармская подлость. Пусть судит нас свободно и нелицеприятно выраженная народная совесть. Пусть судит нас эта великомученица истории – народная Россия.

Я убил великого князя, члена императорской фамилии, и я понимаю, если бы меня подвергли фамильному суду членов царствующего дома, как открытого врага династии. Это было бы грубо, и для XX века дико. Но это было бы, по крайней мере, откровенно. Но где же тот Пилат, который, не омыв ещё рук своих от крови народной, послал вас сюда строить виселицу? Или, может быть, в сознании предоставленной вам власти, вы овладели его тщедушной совестью настолько, что сами присвоили себе право судить именем лицемерного закона в его пользу? Так знайте же, я не признаю ни вас, ни вашего закона. Я не признаю централизованных государственных учреждений, в которых политическое лицемерие покрывает нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именем оскорбленной человеческой совести, ради торжества насилия.

Но где ваша совесть? Где кончается ваша продажная исполнительность и где начинается бессеребренность вашего убеждения, хотя бы враждебного моему? Ведь вы не только судите мой поступок, вы посягаете на его нравственную ценность... Покушение вы не называете прямо убийством, вы именуете его преступлением, злодеянием. Вы дер-

заете не только судить, но и осуждать. Что же вам дает это право? Не правда ли, благочестивые сановники, вы никого не убили, и опираетесь не только на штыки и закон, но и на аргумент нравственности? Подобно одному ученому профессору времен Наполеона III, вы готовы признать, что существуют две нравственности. Одна для обыкновенных смертных, которая гласит: «не убий», «не укради», а другая нравственность политическая, для правителей, которая им все разрешает. И вы, действительно, уверены, что вам все дозволено, и что нет суда над вами...

Но оглянитесь: всюду кровь и стоны. Война внешняя и война внутренняя. И тут, и там пришли в яростное столкновение два мира, непримиримо враждебные друг другу: бьющая ключом жизнь и застой, цивилизация и варварство, насилие и свобода, самодержавие и народ. И вот результат: позор неслыханного поражения военной державы, финансовое и моральное банкротство государства, политическое разложение устоев монархии внутри, наряду с естественным развитием стремления к политической самостоятельности на так называемых окраинах, и повсюду всеобщее недовольство, рост оппозиционной партии, открытые возмущения рабочего народа, готовые перейти в затяжную революцию во имя социализма и свободы, и на фоне всего этого – террористические акты... Что означают эти явления? Это суд истории над вами. Это – волнение новой жизни, пробужденное долго накапливавшейся гро-

зой, это – отходная самодержавию... И революционеру наших дней не нужно быть утопистом-политиком для того, чтобы идеал своих мечтаний сводить с небес на землю. Он суммирует, приводит к одному знаменателю и облекает в плоть лишь то, что есть готового в настроениях жизни, и, бросая в ответ на вызов в бою свою ненависть, может смело крикнуть насилью: я обвиняю!

...Великий князь был одним из видных представителей и руководителей реакционной партии, господствующей в России. Партия эта мечтает о возвращении к мрачнейшим временам Александра III, культ имени которого она исповедует. Деятельность, влияние великого князя Сергея тесно связаны со всем царствованием Николая II, от самого начала его. Ужасная ходынская катастрофа и роль в ней Сергея были вступлением в это злосчастное царствование. Расследовавший ещё тогда причины этой катастрофы граф Пален сказал в виде заключения, что нельзя назначать безответственных лиц на ответственные посты. И вот боевая организация партии социалистов-революционеров должна была безответственного перед законом великого князя сделать ответственным перед народом.

Конечно, чтобы подпасть под революционную кару, великий князь Сергей должен был накопить и накопил бесчисленное количество преступлений перед народом. Деятельность его проявлялась на трех различных поприщах. Как Московский генерал-губернатор, он оставил по себе такую

память, которая заставляет бледнеть даже воспоминание о пресловутом [А.А.] Закревском (в 1828—1831 годах министре внутренних дел; он прославился своей жестокостью при подавлении «холерных бунтов», – С.С.-П.). Полное пренебрежение к закону и безответственность великого князя сделали из Москвы, поистине, какое-то особое великокняжество. Преследование всех культурных начинаний, закрытие просветительных обществ, гонения на бедняков-евреев, опыты политического развращения рабочих, преследование всех протестующих против современного строя, – вот в какого рода деяниях выражалась роль убитого, как маленького самодержца Москвы. Во-вторых, как лицо, занимающее видное место в правительственном механизме, он был главой реакционной партии, вдохновителем всех репрессивных попыток, покровителем всех наиболее ярких и видных деятелей политики насильственного подавления всех народных и общественных движений. Еще Плеве заезжал к великому князю Сергею за советами перед своей знаменитой поездкой в Троицкую лавру, за которой последовала поездка на усмирение полтавских и харьковских крестьян. Его другом был Сипягин, его ставленником был Боголепов... Все политическое направление правительства отмечено его влиянием. Он боролся против слабой попытки смягчения железного режима Святополк-Мирским, объявляя, что «это – начало конца»... Наконец, третье поприще его деятельности, где роль его была наиболее значительна, хотя и наименее из-

вестна: это – личное влияние на царя. «Дядя и друг государев» выступает здесь, как наиболее беспощадный и неуклонный представитель интересов династии».

Закончил Каляев свою речь такими словами: *«Мое предприятие окончилось успехом. И таким же успехом увенчается, несмотря на все препятствия, и деятельность всей партии и, ставящей себе великие и исторические задачи. Я твердо верю в это, – я вижу грядущую свободу возрожденной к новой жизни трудовой, народной России. И я рад, я горд возможностью умереть за неё с сознанием исполненного долга»* (Мандельштам М. Л. Процесс Каляева. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. Историко-революционная библиотека; 1931, № №5—6).

В 3 часа дня Каляеву был вынесен приговор: смертная казнь. Впрочем, иного исхода никто и не ждал.

Каляев подал кассационную жалобу без всякой надежды на положительный результат. Это была даже не жалоба, а продолжение его речи в суде. Её поддерживал в сенате присяжный поверенный В.В.Беренштам. В ней Каляев писал: *«Я родился... и вырос в Варшаве, но всегда чувствовал себя русским. Отец мой происходил из крепостных крестьян Рязанской губ [ернии], и от него я перенял любовь к русскому народу. Из гимназии, единственной русской в Варшаве, я вынес какую-то романтическую любовь к России и жажду служения ей во имя человечества. Но развивавшаяся во мне с ранних лет наблюдательность и склонность к анализу*

окружающей действительности рано приучили меня к критической оценке отечественных порядков. Мне было тяжело в атмосфере казенного патриотизма и национальной вражды, и вот почему я не поступил в Варшавский университет, а уехал в Москву. Параллельно с развитием моих политических убеждений, шло развитие моих общественных симпатий. Мой отец служил околоточным надзирателем в варшавской полиции и впоследствии – артельщиком в управлении завода В. Гантке. Это был человек честный, не брал взяток, и потому мы очень бедствовали. Братья мои выросли рабочими, и мне одному посчастливилось пробраться в университет. С юных лет я свыкся с интересами труда и нуждою и стал вскоре убежденным социалистом. Я верил в свои силы, восторженно стремился к высшему образованию и имел честные намерения быть честным общественным деятелем, тружеником на пользу родному народу. Таким образом, я заявил себя впервые публично во время студенческого движения в 1899 г [оду]. В результате я был исключен без права обратного поступления к выслан на два года под надзор полиции в Екатеринослав. Это было тяжёлым ударом для меня, навсегда определившим мою судьбу. Живя в Екатеринославе, я работал в газетах, изучал хозяйственный быт России, был членом ревизионной комиссии в местном просветительном учреждении, но мне жаль было терять мои молодые годы. На все прошения принять меня в университет, даже по истечении срока надзора, я по-

лучил холодный отказ. Близость моя с революционными деятелями с [оциал] -д [емократии] и влияние народовольческой литературы указали мне выход из неопределенного положения человека, которому отказано в праве жить и развиваться. С тех пор я стал убежденным революционером. В декабре 1901 года я принял участие в комитете партии с [оциал] -д [емократов] накануне декабрьской демонстрации. Демонстранты были рассеяны и изранены полицией. Я был готов ответить на это покушением на жизнь тогдашнего губернатора графа Келлера, который вообще буйствовал в губернии, но, будучи одинок, должен был оставить свое намерение. Террористические идеи глубоко запали мне в душу, и я искал их разрешения в действии. С жаждой знания, с жаждой такой деятельности, которая захватила бы меня всего, я уехал за границу, во Львов, где поступил в университет, и, кроме того, занялся изучением революционной литературы. Там я определился окончательно. Дело Балмашёва (С.В.Балмашёв в 1902 году. убил министра внутренних дел Д. С. Сипягина, – С.С.-П.) было как бы моим делом, но, имея связи с социал-демократами, я решил принять участие в нелегальной деятельности, с целью найти себе соратников для открытой революционной борьбы. Летом 1902 г [ода], во время переезда из Львова в Берлин, я был арестован германской полицией с революционными изданиями на пограничной таможене, и выдан русским властям. Этот эпизод несколько отклонил в сторону мои намерения и на-

долго отсрочил их осуществление. Выждав окончания этого неприятного для меня инцидента, я в октябре 1903 г [ода] уехал за границу. С тех пор до последнего дня я искал случая выйти в качестве террориста. Мои непосредственные чувства в этом направлении, мои мысли о необходимости подобного рода действий питались вопиющими бедствиями, выпавшими на долю моей родины. За границей я испытал, с каким презрением все европейцы относятся к русскому, точно имя русского — позорное имя. И я не мог не прийти к заключению, что позор моей родины, это — чудовищная война внешняя и война внутренняя, этот открытый союз царского правительства с врагом народа — капитализмом — есть следствие той злостной политики, которая вытекает из вековых традиций самодержавия» (Былое, 1908, №7).

Сохранились и последние письма Ивана Каляева. Он писал друзьям перед казнью: «Я счастлив сознанием, что выполнил долг, лежащий на всей истекающей кровью России. Вы знаете мои убеждения и силу моих чувств, и пусть никто не скорбит о моей смерти. Я отдал всего себя делу борьбы за свободу рабочего народа, с моей стороны не может быть и намека на какую-либо уступку самодержавию, и если в результате всех стремлений моей жизни я оказался достойным высоты общечеловеческого протеста против насилия, то пусть и смерть моя венчает мое дело чистотой идеи. Умереть за убеждения — значит, звать на борьбу,

и каких бы жертв ни стоила ликвидации самодержавия, я твердо уверен, что наше поколение кончит с ним навсегда» (ГАРФ).

Да, Каляев был романтиком. Но он столкнулся с суровой прозой. Николай II дал секретное указание новому директору Департамента полиции Сергею Коваленскому (Лопухин был отправлен в отставку) добиться у Каляева прощения о помиловании. Тот командировал в Шлиссельбургскую крепость товарища прокурора Санкт-Петербургского суда Фёдорова, с которым Каляев был знаком по Московскому университету, но Фёдоров не смог убедить Каляева обратиться к царю с такой просьбой.

В день казни в Шлиссельбургскую крепость поступила телеграмма – выяснить, не подаст ли Каляев прошения на Высочайшее имя о помиловании. Комендант Яковлев около часа уговаривал Каляева написать такое прошение, но тот отказывался. После этого поступила вторая телеграмма от Великой Княгини Елизаветы Федоровны, которая настаивала, чтобы прошение было написано, и ручалась, что оно будет удовлетворено. Комендант не захотел второй раз идти к Каляеву, и отправил к нему ротмистра В. В. Парфёнова, которому Каляев ответил: *«Вы поймите меня. Всю свою жизнь и душу я посвятил служению революционному делу, мой террористический акт был результатом этой работы... Вы мне предлагаете подать прошение о помиловании, то есть попросить прощение за содеянное, то есть раскаять-*

ся. На мой взгляд, этим актом я уничтожу весь смысл моего террористического выступления и обращаю его из идейного в обыкновенное уголовное убийство, а потому бросим всякий разговор о помиловании» (Фёдоров А. Казнь террориста Ивана Каляева. Русская академическая группа в США. Записки. Нью-Йорк, 1986, т.19)..

Протоиерей тюремного Шлиссельбургского Иоанно-Предтеченского собора Иоанн Флоринский рассказывал: «Я никогда не видел человека, шедшего на смерть с таким спокойствием и смирением истинного христианина. Когда я ему сказал, что через два часа он будет казнен, он мне совершенно спокойно ответил: «Я вполне готов к смерти; я не нуждаюсь в ваших таинствах и молитвах. Я верю в существование Святого Духа, Он всегда со мной, и я умру сопровождаемый Им. Но если вы порядочный человек и если у вас есть сострадание ко мне, давайте просто поговорим как друзья». И он обнял меня!» (Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904—1910. Яснополянские записки. АН СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Москва, издательство «Наука», 1979—1981).

10 (23) мая 1905 года Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости. Вот как это описывалось в журнале «Бвлое»: «*Был второй час ночи... В комнату, где сидел Каляев, вошел смотритель тюрьмы в сопровождении наряженного в красное палача. На палаче были надеты ярко-красные кумачовые шаровары, такие же рубаха и колпак на го-*

лове, опоясан он был веревкой, за которую заткнута была нагайка.

Палач, подойдя к Каляеву, завязал ему назад руки, после чего Каляев в сопровождении смотрителя тюрьмы вышел на двор, где была устроена виселица, за ними следовал палач.

На дворе уже находились все приглашенные представители сословий, администрация крепости, команда солдат и все свободные от службы тюремные унтер-офицеры. Каляев взошел на эшафот. Он был без пальто, во всем черном и черной фетровой шляпе.

Стоя неподвижно на помосте эшафота, он выслушал прочитанный помощником секретаря приговор, после окончания которого к эшафоту приблизился священник с крестом в руке, но Каляев сказал ему: «Я уже сказал вам, что я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти». Священник ушёл...

К осужденному подошёл палач, накинул на него саван, закрывший его с головой, помог подняться на табурет, так как без посторонней помощи сделать это было невозможно, накинул на шею петлю и отбросил ногой табурет. Ноги Каляева потеряли опору, и тело его повисло в воздухе. Почти никто не мог смотреть на повешенного, остававшегося в петле 30 минут. Все безмолвно стояли возле эшафота. По прошествии 30 минут палач вынул тело Каляева из петли и положил его на эшафот, к которому подошел нахо-

дивившийся поблизости крепостной врач, обнажил покойному грудь, выслушал сердце, пощупал пульс, но это было уже, конечно, ненужной формальностью, ибо Каляев был мёртв» (Фёдоров А. Казнь террориста Ивана Каляева. Русская академическая группа в США. Записки. Нью-Йорк, 1986, т.19).

Палачом был Александр Филипьев. В то время он ещё отбывал срок своей каторги за убийство и сам содержался под конвоем, но уже к августу 1905 года разъезжал свободно без конвоя, так как срок наказания ему уменьшили. Кстати, после казни Каляева Филипьев начал ходить в офицерском мундире, с Георгием в петличке.

С поэтическим наследием И. П. Каляева был хорошо знаком Александр Блок. Некоторые исследователи его творчества считают, что поэма Блока «Возмездие» написана под впечатлением стихотворений Каляева, как бы продолжает их.

Кто есть кто

*Великий князь Сергей Александрович (1857-1905) – Московский генерал-губернатор. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, член Государственного совета. Запретил евреям постоянно проживать в Москве и Московской губернии.

Мрачным эпизодом правления Сергея Александровича стала катастрофа на Ходыньском поле. В давке за подарками по случаю коронации Николая II, по официальным дан-

ным, погибли 1389 человек и 1300 получили тяжёлые увечья. Преступная халатность организаторов вызвала общественное возмущение в России.

Великий князь поддерживал монархические организации, был решительным противником конституционных преобразований. После Кровавого воскресенья оппозиция объявила Сергея Александровича главным виновником применения военной силы против безоружных демонстрантов. Боевая организация партии эсеров вынесла ему смертный приговор.

По мнению ряда историков, Сергей Александрович сыграл роковую роль в крушении Российской империи. Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая, таким образом, врагам богатую пищу для клеветы и злословия. Как вспоминал генерал А. А. Мосолов, «его личная жизнь была предметом пересудов всего города, что делало очень несчастной его жену Елизавету Фёдоровну» (Мосолов А. А. При дворе императора. Рига, 1938).

Член Государственной думы первого созыва кадет В. П. Обнинский писал о нём в книге «Последний самодержец» так: «Этот сухой, неприятный человек, уже тогда влиявший на молодого племянника, носил на лице резкие знаки снедавшего его порока, который сделал семейную жизнь жены его, Елисаветы Фёдоровны, невыносимой и привел её, через ряд увлечений, естественных в её положении, к монашеству» (Обнинский В. П. Последний самодержец.

Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, 1912).

Вопрос о сексуальных предпочтениях великого князя вызывает много споров. Эти сведения не всеми считаются достоверными, хотя сплетни циркулировали в большом количестве. Так, содержательница столичного великосветского салона супруга генерала Е. Богдановича А. В. Богданович писала в своём дневнике, что «Сергей Александрович живёт со своим адъютантом Мартыновым, а жене предлагал не раз выбрать себе мужа из окружающих её людей» (Богданович А. В. Три последних самодержца. Москва, издательство «Новости», 1990). Писал об этом и другой мемуарист – А. Мосолов.

*Александр Мосолов ([1854](#) [1939](#)) – русский военачальник, [дипломат](#); [генерал-лейтенант](#). Службу начинал в Лейб-гвардии Конном полку. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Окончил офицерскую кавалерийскую школу. 6 (19) декабря 1902 года произведён в генерал-майоры. В 1900—1916 годах был начальником канцелярии Министерства императорского двора.

Воевал против большевиков на Юге России; в эмиграции жил во Франции и Болгарии. Автор неоднократно переиздававшихся воспоминаний «При дворе императора».

*Виктор Обнинский ([1867](#)-1916)) – российский обще-

ственно-политический деятель; депутат первой Государственной Думы Российской империи от Калужской губернии. В 1887 году окончил Александровское военное училище в Москве, служил в Лейб-гвардии стрелковом Императорской фамилии батальоне, расквартированном в Царском Селе. В 1891 году вышел в отставку. В 1892—1897 годах служил в Московской казённой палате, в статистическом отделе Министерства путей сообщения.

Член Конституционно-демократической партии. 28 марта (10 апреля) 1906 года избран в I Государственную думу. 19 мая (1 июня) 1906 года призвал реализовать принцип «вся земля для трудящихся», предложив передать помещичьи усадьбы под школы, больницы, народные читальни, предоставить крестьянам возможность непосредственно участвовать в проведении аграрной реформы; ратовал за широкое местное самоуправление.

За подписание Выборгского воззвания (обращение членов Думы к народу в связи с роспуском её) был приговорён к 3 месяцам тюремного заключения и лишён избирательных прав.

С осени 1914 года до апреля 1915-го работал военным корреспондентом на Юго-Западном фронте.

21 марта 1916 года покончил жизнь самоубийством; в предсмертных письмах писал о тяжёлом душевном состоянии.

*Борис Савинков (1879-1925) – один из лидеров партии

эсеров, руководитель Боевой организации. Участник Белого движения, писатель.

Савинков учился в гимназии в Варшаве вместе с Иваном Каляевым, затем в Петербургском университете, из которого исключён за участие в студенческих беспорядках. В 1897 году Савинков был арестован в Варшаве за революционную деятельность. В 1898 году входил в социал-демократические группы «Социалист» и «Рабочее знамя». Печатался в газете «Рабочая мысль». В 1901 году был арестован, выслан в Вологду. В июне 1903 года Савинков бежал из ссылки в Женеву, где вступил в партию эсеров и вошёл в её Боевую организацию. Принимал участие в подготовке ряда террористических актов на территории России.

Савинков стал заместителем руководителя Боевой организации Евно Азефа, а после его разоблачения – руководителем. В 1906 году Савинков в Севастополе подготавливал убийство командующего Черноморским флотом адмирала Чухнина.. Был арестован полицией и приговорён к смертной казни, но бежал в Румынию, а оттуда – в Париж.. В 1909 году написал книгу «Воспоминания террориста», в том же году опубликовал повесть «Конь бледный», в 1914 – роман «То, чего не было». Эсеры скептически восприняли литературную деятельность Савинкова, видя в ней политические памфлеты, и требовали его изгнания из своих рядов.

После разоблачения Азефа в конце 1908 года Савинков,

долгое время не веривший в его провокаторскую деятельность и выступавший его защитником на эсеровском «суде чести» в Париже, пытался возродить Боевую организацию (однако ни одного успешного теракта в этот период организовать не удалось).

После Февральской революции 1917 года Савинков вернулся в Россию и возобновил политическую деятельность: он был назначен комиссаром Временного правительства Юго-Западного фронта. Активно выступал за продолжение войны до победного конца. Поддержал генерала Корнилова в его решении ввести смертную казнь на фронте. В том же месяце Савинков стал управляющим военного министерства и товарищем военного министра (военным министром был сам премьер Керенский) и реальным претендентом на полноту диктаторской власти в стране.

27 августа 1917 года при наступлении Корнилова на столицу назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа. Предложил Корнилову подчиниться Временному правительству, но 30 августа подал в отставку, не согласный с изменениями в политике Временного правительства.

Был вызван в ЦК партии эсеров для разбирательства по так называемому «корниловскому делу». На заседание не явился, за что и был исключён из партии 9 октября 1917 года.

Приход к власти большевиков встретил враждебно. Пытался помочь осаждённому в Зимнем дворце Временному правительству. Позднее на Дону принимал участие в формировании Добровольческой армии. В феврале-марте 1918 года создал в Москве в подпольный «Союз защиты Родины и Свободы» (в него вступило около 800 человек). Целями этой организации было свержение советской власти, установление военной диктатуры и продолжение войны с Германией. В конце мая 1918 года заговор был раскрыт, многие его участники арестованы и расстреляны. Савинков ускользнул от чекистов.

После подавления мятежей против советской власти в Ярославле, Рыбинске и Муроме летом 1918 года Савинков перебрался в занятую белыми Казань, но там не остался. Уехал во Францию через Владивосток. Вновь появился в Петрограде в 1919 году. Фотографии его были расклеены по всему городу, но террористу удалось скрыться в Польше. Участвовал в создании 3-й русской армии и антисоветских военных отрядов. Они вели открытую диверсионную войну.

В начале августа 1924 года Савинков нелегально приехал в СССР, куда был завлечён в результате разработанной ОГПУ операции «Синдикат-2».. 16 августа был арестован в Минске. На суде признал свою вину и поражение в борьбе против советской власти.

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. Однако расстрел был

заменён лишением свободы на 10 лет.

По официальной версии, 7 мая 1925 года в здании ВЧК на Лубянке Савинков покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна пятого этажа во двор. Но есть сомнения, что это был действительно суицид.

*Алексей Ремизов (1877-1957) – русский писатель и художник, один из наиболее ярких стилистов в русской литературе. Эмигрировал. «Живой сокровищницей русской души и речи» называла его творчество Марина Цветаева.

*Николай Бердяев (1874—1948) – автор оригинальной концепции философии свободы и концепции нового средневековья. Принимал участие в революционной деятельности. Дважды, уже при советской власти, попадал в тюрьму. Был выслан за границу.

В 1946 году получил советское гражданство, но на родину не вернулся.

*Анатолий Луначарский (1875—1933) – русский революционер, советский государственный деятель, писатель, искусствовед. С октября 1917 года по сентябрь 1929 года – первый нарком просвещения РСФСР, академик. По свидетельству Льва Троцкого, Луначарский в качестве наркома просвещения сыграл важную роль в привлечении старой интеллигенции на сторону большевиков. Однако многие его

идеи не встретили поддержки. Например, перевод русского языка на латиницу. Весьма спорными представляются и рассуждения о литературе и искусстве. Что касается его творчества, то хочется взять это слово в кавычки. Все его произведения, а это в основном пьесы, благополучно забыты, Тем не менее, в советские годы было выпущено 8-томное собрание его сочинений. Сколько леса было при этом загублено! К сожалению, из плохих книг не вырастают деревья.

*Валерий Брюсов (1873—1924) – русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед. Один из основоположников русского символизма.

Он прошёл путь от монархизма до социализма. В последние годы писал под диктовку большевиков. Лично я ценю его как великолепного переводчика.

*Алексей Лопухин (1864-1928) – директор Департамента полиции в 1902—1905 годах. Учился в Орловской гимназии вместе с Петром Столыпиным. Окончил юридический факультет Московского университета. Был товарищем прокурора Рязанского, а затем Московского окружных судов. В 1896 году Лопухин был назначен прокурором Тверского окружного суда, в 1899 – Московского, а в 1900 году – Петербургского окружного суда. В 1902 году стал директором Департамента полиции. Человек либеральных взглядов, Лопухин на этом посту выступил решительным противником

системы полицейской провокации.

Но именно тогда активизировались революционеры. В 1904 году эсеры убили министра внутренних дел В. К. Плеве, в конце 1904 – начале 1905 года в Петербурге и Москве прокатилась волна забастовок. Прологом Первой русской революции стало Кровавое воскресенье и убийство великого князя Сергея Александровича. Лопухин был обвинён в неприятии необходимых мер для его охраны и 4 (17) марта 1905 года смещён с поста директора Департамента полиции.

Он был назначен губернатором Эстляндии. Но продержался на этом посту всего полгода. В то время, как в разных городах Российской империи, включая Петербург и Москву, полиция боролась с революцией с помощью черносотенцев, Лопухин в Эстляндии призвал революционных рабочих организовать вооружённые отряды для помощи полиции в борьбе с погромщиками. Рабочие откликнулись на этот призыв. 27 октября (9 ноября) 1905 года Лопухин был обвинен в попустительстве революционному движению и отстранён от должности.

Он фактически оказался в лагере оппозиции и по возвращении в Петербург, проведя собственное расследование, выступил с разоблачениями деятельности Департамента полиции. В октябре 1906 года он подал министру внутренних дел П. А. Столыпину рапорт, в котором сообщал о том, что в помещении губернского жандармского управления печата-

лись листовки с призывами к погромам, что полиция сама организует черносотенные банды и об их деятельности министр императорского двора В.Б.Фредерикс лично докладывает императору. Уволенный из министерства внутренних дел (и сам оказавшийся под наблюдением Департамента полиции), Лопухин пытался вступить в коллегию присяжных поверенных, но получил отказ. Занялся частной юридической практикой, а позже предпринимательством, учредив акционерное общество.

Ничего не добившись ни в суде, ни в Думе, вскоре распущенной Столыпиным, Лопухин результаты своих исследований изложил в книге «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции», изданной в 1907 году.

Имя А. А. Лопухина связывается в первую очередь с делом Е.Ф.Азефа, в разоблачении которого бывший директор Департамента полиции сыграл важную роль. Однако лидерам партии эсеров не хотелось верить в предательство руководителя Боевой организации. Пока шло разбирательство, Азеф отправился в Петербург к Лопухину с просьбой сохранить его тайну. Но Лопухин отказался брать на себя какие бы то ни было обязательства и, рассказал о визите Азефа лидерам эсеров.

Раскрывая тайного агента полиции, Лопухин знал, на что идёт. Он был арестован по обвинению в государственной измене (выдаче государственной тайны). В апреле 1909 года предстал перед судом. Процесс закончился отставкой ряда

полицейских чиновников и осуждением Лопухина к 5 годам каторжных работ с лишением всех прав состояния.

После прихода к власти большевиков Лопухин некоторое время оставался в России; новая власть претензий к нему не имела, но в 1920 году всё-таки эмигрировал во Францию. Наверное, это был правильный шаг.

*Елизавета Фёдоровна (1864-1918) – принцесса Гессен-Дармштадтская; в супружестве великая княгиня царствующего дома Романовых. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Прославлена в лике святых Русской православной церкви в 1992 году.

Она была дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и, внучкой английской королевы Виктории. Её младшая сестра Алиса позднее, в ноябре 1894 года, стала русской императрицей Александрой Фёдоровной.

За десять лет до этого Елизавета Фёдоровна вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, брата российского императора Александра III. Супруг приходился Елизавете и двоюродным дядей, и четвероюродным братом.

У Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны не было родных детей, они воспитывали детей брата Сергея Александровича, великого князя Павла Александровича, Марию и Дмитрия, чья мать скончалась в родах.

С началом русско-японской войны Елизавета Фёдоровна организовала Особый комитет помощи воинам, при ко-

тором в Большом Кремлёвском дворце был создан склад пожертвований в пользу воинов: там заготавливали бинты, шили одежду, собирали посылки, формировали походные церкви.

4 (17) февраля 1905 года её супруг был убит. Елизавета Фёдоровна тяжело переживала эту трагедию. Основала Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Продав свои драгоценности, на вырученные деньги купила усадьбу с четырьмя домами и обширным садом. Сёстры обители занимались благотворительной и медицинской работой.

При создании обители был использован как русский православный, так и европейский опыт. Сёстры, жившие в обители, в отличие от монахинь, могли выйти из неё и создать семью. Открылись больница, амбулатория, аптека, где часть лекарств выдавали бесплатно, приют, бесплатная столовая и ещё множество учреждений.

Поселившись в обители, Елизавета Фёдоровна вела подвижническую жизнь: ночами ухаживала за тяжелобольными, а днём трудилась, наряду со своими сёстрами, обходя беднейшие кварталы, сама посещала Хитров рынок – самое трущобное место тогдашней Москвы, вызволяя оттуда малолетних детей.

Во время Первой мировой войны Елизавета Фёдоровна активно заботилась о помощи армии, прежде всего, раненым в боях солдатам. Тогда же она старалась помочь военнопленным, которыми были переполнены госпитали, и в ре-

зультате была обвинена в пособничестве немцам.

При её участии в начале 1915 года была организована мастерская по сборке протезов из готовых частей, получаемых в большинстве из Петербургского завода военно-врачебных изготoвлений, где имелся особый протезный цех. В 1916 году была начата работа по проектированию и строительству в Москве первого в России протезного завода, который до настоящего времени занимается выпуском комплектующих к протезам. Резко негативно относилась к Григoрию Распутину. Отказалась покинуть Россию после прихода к власти большевиков, продолжая заниматься подвижнической работой в своей обители. 7 мая 1918 года была арестована чекистами по личному распоряжению¹ Ф. Э. Дзержинского. Патриарх Тихон пытался добиться её освобождения, но тщетно – она была заключена под стражу и выслана из Москвы в Пермь. В мае 1918 года её вместе с другими представителями дома Романовых перевезли в Екатеринбург, а затем отправили в город Алапаевск. В ночь на 18 июля 1918 года её живой сбросили в шахту. Вместе с ней погибли ещё пять члена дома Романовых и управляющий делами великого князя Сергея Михайловича Фёдор Ремез. Один из погибших князей, Владимир Палей, был поэтом.

*Князь Владимир Палей (1897—1918) был внуком российского императора Александра II, двоюродным братом им-

ператора Николая II.. Было ему всего 20 лет. Большевики, кроме их восхвалителей типа Демьяна Бедного и Владимира Маяковского, во всех поэтах видели контру и их убивали. Впрочем, насчет «контры» они не ошибались. Поэты всегда чувствуют, кто их враг, а кто друг.

Как рождённый в морганатическом браке Владимир Павлович получил только титул князя Палей (эти князья были в родстве с его матерью) только в 1915 году, когда Николай II простил своего родственника – отца Владимира – за то, что тот женился без величайшего соизволения.

С раннего детства Владимир Палей писал стихи. Сначала на французском и на английском языках, а потом и на русском. При жизни опубликовал два поэтических сборника. Многие до сих пор не напечатано.

Владимир учился в Пажеском Его Величества корпусе. В 1915 году был произведён в корнеты лейб-гвардии гусарского Его Величества полка, и его сразу же отправили на фронт. За участие в боевых операциях получил чин подпоручика и именовое оружие за храбрость.

Был близко знаком с Осипом Мандельштамом и Николаем Гумилёвым. Палей вёл дневник. Вот одна из его записей, относящаяся к 1917 году: «Неужели наши потомки увидят в событиях 1917 года одну лишь удручающую картину? Одну лишь кучку людей, вырывающих друг у друга право на катание на моторах, и то время как страна голодает, а армия целуется с врагом. Неужели те, кто бескорыстно со-

здал революцию, кто, следовательно, таил в душе блаженные и светлые идеалы, надеясь на возможность осуществления этих идеалов, неужели эти русские люди не чувствуют, сколько страшен и ужасен переживаемый Россией кризис? Творимое вырвалось из рук творителей... Всей России грозит позор и проклятие. Пора, пора опомниться, если мы не хотим дать миру плевать нам в лицо» (Палей В. П. Поэзия. Проза. Дневники. Москва, издательство «Альма матер», 1996).

Глава Петроградской ЧК Моисей Урицкий, проводя перепись членов дома Романовых, вызвал и князя Владимира Палея. Он предложил ему отречься от отца, которого вскоре расстреляют в Шлиссельбургской крепости. Но Палей отказался. Он заявил, что считает такой поступок бесчестным.

Мать Владимира Палея избежала репрессий. Её спас, по видимому, Максим Горький. Но в то же время долго водил за нос. Горький поддерживал в людях надежду на лучшее и убеждал себя в том, что в его силах было им чем-то помочь. Но на самом деле не шевелил и пальцем, чтобы предпринять что-либо. Княгине Палей сказал, что её сын жив и находится в Екатеринославле. Княгиня воспрянула духом, но оказалось, что это придумка. Придумка чрезвычайно жестокая, по сути, садистская.

Ольга Валериановна до брака с великим князем была женой российского генерала из остзейских немцев Эриха Гер-

харда фон Пистолькорса (1853—1935), которому родила четырёх детей. В браке с Павлом Александровичем произвела на свет ещё троих. После возвращения в Россию семья жила Царском Селе во дворце, построенном по проекту архитектора Карла Шмидта. Здание это сохранилось. Вместе с двумя дочерьми ей удалось перейти пешком по льду в Финляндию, а потом перебраться в Париж. Здесь она опубликовала книгу воспоминаний о жизни в России в 1916—1919 годах. В 2005 году она вышла в свет и в России.

*Сергей Коваленский (1862—1909) – директор Департамента полиции в 1905 году. Окончил Императорское училище правоведения. Служил в окружных судах и судебных палатах ряда губерний России. С мая 1896 года исполнял должность помощника начальника Главного тюремного управления, В марте 1905 года назначен директором Департамента полиции. Однако не сумел справиться с нараставшей в стране революцией, и уже 29 июня император Николай II отстранил Коваленского от должности. 17 сентября 1909 года застрелился у себя дома на Сергиевской улице в Санкт-Петербурге.

*Владимир Жданов (1869—1932) – адвокат Ивана Каляева. Защита его в суде принесла Жданову известность. В своей речи он сказал: «Столкнулись два мира, и всё более теряется надежда на мирный исход. На чаше весов, кото-

рою будет меряться всё прошлое, не последнее место займёт и ваш приговор. Не отягчайте же им чаши! Крови в ней и без того достаточно».

Жданов брался за самые, казалось бы, безнадежные дела. Защищал в Севастополе Бориса Савинкова, который, воспользовавшись паузой в заседании суда, бежал с гауптвахты. Защищал участников декабрьского вооружённого восстания в Москве.

Но вскоре он сам оказался на скамье подсудимых. Жданова приговорили к четырём годам каторги. Был освобождён после Февральской революции 1917 года.

Но при большевиках нельзя было добиться справедливости. 17 августа 1922 года он был арестован. Троцкий был крайне недоволен тем, как Жданов защищал командующего Балтийским флотом А.М.Шастного. Подзащитный Жданова был расстрелян, несмотря на то, что большевики смертную казнь отменили.

*Михаил Мандельштам (1866-1939) – второй адвокат Каляева. К тому времени он уже дважды побывал в ссылке, был знаком с Александром Ульяновым. Защищал Николая Баумана и Григория Гершуни. Во время суда над Каляевым заявил, что «правительство само толкает людей на террор», ибо своим деспотизмом и жестокостью разжигает в стране «всеобщее недовольство». После 1917 года эмигрировал.

Его уговорили вернуться на родину. Он переехал в Москву, но 9 июня 1938 года в возрасте 73 лет был арестован. Умер в Бутырской тюрьме.

*Владимир Беренштам ([1871-1931](#)) – российский [адвокат](#), [публицист](#). Работал санитаром в Саратовской губернии во время эпидемии тифа и холеры. Был присяжным поверенным в Санкт-Петербурге. При большевиках исполнял обязанности юрисконсульта в торгпредстве в Праге. Автор очерков о революционерах, которых защищал в суде.

*Граф Константин Пален ([1833-1912](#)) был [Псковским губернатором](#) (1864—1867) и, министром юстиции (1867—1878). Пален был руководителем повторного расследования трагедии на Ходынке (первое никого не удовлетворило). Он пришёл к выводу, что виновата главным образом московская полиция и вообще управление Москвой, а не министр двора, т.е., иначе говоря, граф Пален возлагал ответственность на великого князя Сергея Александровича. Несмотря на это, главным виновником катастрофы был объявлен обер-полицмейстер Александр Александрович Власовский. Его уволили.

*Александр Власовский (1842—1899) – российский военный и полицейский деятель. До 29 мая (10 июня 1881 года – Виленский полицмейстер, затем помощник Варшавско-

го обер-полицмейстера, полицмейстер Риги.

*Николай Боголепов (1846—1901) – министр народного просвещения (1898—1901), ректор Московского университета. Консервативная политика Боголепова и его жёсткие репрессивные меры против студенческих выступлений снижали ему всеобщую ненависть среди интеллигентной общественности и стали причиной покушения на него революционера Петра Карповича.

Рана Боголепова поначалу казалась не слишком опасной, и выписанный из Берлина врач Бергман дал успокоительные заверения, однако в дальнейшем развилось заражение крови, от которого Боголепов и умер вечером 2 марта 1901 года, спустя 16 дней после покушения.

*Пётр Карпович (1874-1917) – российский революционер, террорист. В 1899 году эмигрировал в Германию. Сблизился с эсерами. Под их влиянием выехал в Петербург, где совершил покушение на министра просвещения. Сам Карпович писал: «Медленно, но верно подвигался я к такому решению. Это известие дало мне пережить всем моим существом, над какой пропастью ходят сотни людей, лучших людей России. И я решил отомстить» (Клейнборт Л. П. В. Карпович. Каторга и ссылка. 1927 Клейнборт Л. П. В. Карпович. Каторга и ссылка. 1927, №6 (35).

17 (30) марта 1901 года Карпович предстал перед судом.

Он был приговорён к 20 годам каторжных работ. В 1907 году его отправили на поселение, откуда он сразу же бежал. Прибыв в Петербург, вместе с Евно Азефом руководил деятельностью Боевой организации эсеров (Савинков тогда отошёл от дел). В 1908 году Карпович принял непосредственное участие в организации провалившегося покушения на Николая II. Когда Азеф был разоблачён, отстранился от партийной деятельности, перебрался в Лондон.

После Февральской революции Карпович решил вернуться в Россию. Но английский пароход, на котором он находился, был торпедирован немецкой подводной лодкой 13 апреля 1917 года, и Карпович погиб.

*Князь Пётр Святополк-Мирский (1857-1914) занимал должность министра внутренних дел Российской империи с 26 августа (8 сентября) 1904 по 18 (31) января 1905 года). Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. В 1900 году при министре внутренних дел Д. С. Сипягине был командиром Отдельного корпуса жандармов. Уже тогда хотел уйти в отставку. В 1902 году вновь изъявлял такое желание. Но его отставка не была принята.

После убийства Плеве Мирский был назначен министром внутренних дел. Его долго уговаривали – он не соглашался..16 (29) сентября, при вступлении в должность министра, Мирский произнёс речь, в которой, в частности, заявил: «Административный опыт привёл меня к глубокому

убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устройства государства» (Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. Москва, РОССПЭН, 2007).

Эта речь дала повод называть время правления Святополк-Мирского «эпохой доверия», а также «весной русской жизни».

Но весна не наступила. После «Кровавого воскресенья» Святополк-Мирский был уволен.

*Фёдор Келлер (1857—1918) – генерал от кавалерии. Один из руководителей Белого движения на Юге России, монархист. Убит петлюровцами.

Отличился во время русско-турецкой войны 1877—1878 года. В 1905 году временно исполнял обязанности Калишского генерал-губернатора (Калиш – старейший город Польши). Жестоко подавлял народные волнения. Среди жителей Калиша Келлер пользовался всеобщей ненавистью. Но покушения на Келлера были неудачными. Однажды он поймал бомбу на лету, – положил её на сиденье коляски, а сам с револьвером бросился преследовать убежавшего террориста.

8 (21) мая 1906 года бомба, начинённая поражающими элементами, была брошена под ноги коня Келлера, когда он в сопровождении своих офицеров возвращался с полковых учений. Взрывом Келлер оказался тяжело контужен, а нога поражена осколками.

Во время Первой мировой войны Келлер командовал кавалерийским корпусом, потом дивизией. Воевал Гражданскую войну против красных. Патриарх Тихон благословил Келлера, послал ему Державную икону Божией Матери. Но икона не помогла.

Предполагается, что Ф. А. Келлер стал прототипом полковника Най-Турса в романе Михаила Булгакова «Белая гвардия». В образе Най-Турса воспроизведен, в частности, характерный немецкий картавый выговор Келлера, а также те особенности (хромота, неспособность поворачивать шею), которые у него появились как результат ранения в Калише.

*Тихон (в миру Василий Беллавин; [1865-1925](#)) – патриарх Московский и всея Руси. Окончил Псковскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 11 июня 1888 года приказом обер-прокурора Святейшего Синода назначен преподавателем в Псковскую духовную семинарию, однако вскоре постригся в монахи. 14 сентября 1898 года стал епископом Алеутским и Аляскинским. Принимал участие в строитель-

стве православных храмов в Нью-Йорке и Виннипеге (Канада). В 1905 году в Миннеполисе была открыта первая в США православная духовная семинария.

25 января (7 февраля) 1907 года Тихона перевели в Россию, в Ярославль, а затем в Вильну. Во время Первой мировой войны был эвакуирован в Москву. 9 (22) марта 1917 года подписал воззвание Синода, в котором говорилось: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути (Вестник Временного правительства, 1917, №4).

В мае 1917 года архиепископ Тихон был избран правящим архиереем Москвы, а в ноябре – патриархом.

Это совпало с приходом к власти партии Ленина. Поток вестей о расправах над духовенством, в особенности убийство митрополита Киевского Владимира, побудил Тихона учредить особое поминовение исповедников и мучеников, отдавших жизнь свою за православную веру. 19 января (1 февраля) 1918 года патриарх Тихон издал своё знаменитое «Воззвание», в котором предал большевиков анафеме. Вслед за этим принародно осудил убийство Николая II.

Лидеры большевиков вначале считали это комариным писком. Но когда в стране начался голод, приняли решение об изъятии церковных ценностей. В ответ на это Тихон обратился к верующим с новым воззванием. «Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским советам и общи-

нам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чём и оповестили православное население, – говорилось а этом воззвании. – Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства» (Акты Святейшего патриарха Московского Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве церковной власти. Москва, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994).

Ленин был просто взбешён. Он квалифицировал это, как одно из проявлений общего плана сопротивления декрету Советской власти со стороны духовенства. На заседании Политбюро 22 марта 1922 года шёл разговор о разгроме церковной организации: аресте Синода и патриарха. Начались допросы Тихона: его вызвали в ГПУ на Лубянку, где дали под расписку прочесть официальное уведомление, что правительство «требует от гражданина Белавина как от ответственного руководителя всей иерархии определённого и публичного определения своего отношения к контрреволюционному заговору, во главе коего стоит подчинённая

ему иерархия» (ГАРФ).

5 мая 1922 года патриарха вызвали в суд. Он был привлечён к уголовной ответственности. Находился под арестом в Донском монастыре, в полной изоляции от внешнего мира. Судя по всему, власти готовились к расправе. В газете «Известия» от 6 апреля 1923 года появилось сообщение: «11 апреля судебная коллегия Верховного суда начинает слушать дело бывш. патриарха Тихона и его ближайших приспешников».

19 апреля Тихон был под стражей препровождён во внутреннюю тюрьму ГПУ. Там его «дожали». Заявление патриарха от 16 июня в Верховный суд РСФСР с ходатайством об изменении принятой в отношении него меры пресечения содержало раскаяние в «поступках против государственно-го строя» (Известия, 1922, 27 июня).

25 июня Тихон был освобождён. Но большевики на этом не успокоились. Группа священников, завербованных ГПУ (они называли себя «обновленцами»), обвинив патриарха в необдуманной политике, потребовала проведения нового Поместного собора для избрания нового патриарха. 15 мая 1922 года депутация «обновленцев» была принята председателем ВЦИК Михаилом Калининым, а на следующий день было объявлено об учреждении нового Высшего церковного управления. Последнее полностью состояло из сторонников обновленчества. К концу 1922 года «обновленцы» смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время хра-

мов. Так начался новый церковный раскол.

Второй Поместный собор, открывшийся в 1923 года в Москве, высказался в поддержку советской власти и 3 мая вынес решение о лишении сана бывшего патриарха Тихона. Но он не сдавался. 1 июля 1923 года Тихон издал специальное послание, а 15 июля того же года сделал с амвона собора Донского монастыря публичное заявление о своём возвращении к управлению Российской церковью и признании недействительными всех действий и решений «обновленцев».

Его враги тоже не складывали оружие. В начале 1925 года началось следствие по делу «шпионской организации церковников», которую, по замыслу следствия, возглавлял патриарх Тихон. 21 марта патриарх был допрошен на Лубянке. Он обвинялся в «сношении с иностранными государствами и их отдельными представителями с целью склонения их к вооружённому вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции», что предусматривало высшую меру наказания с конфискацией имущества. Патриарху пришлось доказывать свою невиновность.

Но эта затяжная борьба с большевиками подточила здоровье патриарха. 7 апреля 1925 года Тихон скончался от сердечной недостаточности, хотя существует версия о его отравлении.

*Яковлев (имя и годы жизни неизвестны), офицер корпуса

жандармов, служил в звании поручика в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, позднее в звании полковника, с 1902 по 1906 год был комендантом Шлиссельбургской крепости.

*Ротмистр Владимир Парфёнов (годы жизни неизвестны) служил в Шлиссельбургской крепости и присутствовал на казни Ивана Каляева. Его книгу воспоминаний я найти не сумел.

*Иоанн Флоринский (1937—1906) так расстроился после казни Ивана Каляева, что вскоре умер от паралича сердца.

Портретная галерея

Весенний бред в стане революционеров продолжался. Если 1 (13) марта 1881 года восторгу их не было предела: бомба Гриневицкого разорвала царя на куски, то спустя пять лет, 1 (13) марта 1886 года, попытка совершить покушение уже на Александра III, окончилась неудачно. Террористы потерпели фиаско. Заговорщиков, в число которых входил брат Ленина Александр Ульянов, казнили 8 (20) мая того же года.

Такая же диспропорция сохранялась и в дальнейшем. За весенним терактом следовала и весенняя казнь. Или выстрел из револьвера в сердце — такой добровольный уход из жизни выбрали, например, Софья Бардина и Эсфирь (Та-

тьяна) Лапина. Или смерть в лечебнице для умалишенных — она настигла убийцу уфимского губернатора Егора Дулебова. Теракт он совершил 6 мая 1903 года, в марте 1905 года был арестован, сошёл с ума и скончался. Такая же судьба у Доры Бриллиант и Татьяны Леонтьевой, которая вместо бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново выстрелила совсем в другого человека. Он был смертельно ранен. Покончили жизнь самоубийством Пётр Поливанов, Сергей Ильинский, Пётр Куликовский, Рашель Лурье, Евгений Кудрявцев, Егор Созонов, Лидия Руднева и, возможно, Борис Савинков, хотя, согласно другой версии, чекисты просто выбросили его из окна. При подготовке терактов и во время их погибли Борис Вноровский-Мищенко, Алексей Покотиллов, Максимилиан Швейцер.

Террористов было много. В списке (далеко не полном) членов Боевой организации эсеров числится 71 человек. Некоторые, что называется, пришли и ушли, никто о них даже и не вспомнил. Но были и такие, чьи имена вошли в историю.

Что двигало ими? Романтика, самопожертвование во имя народного счастья? Да. К ним, прежде всего, надо отнести Ивана Каляева и Егора Созонова. Но встречались и прагматики, и предатели. Дать краткие характеристики всем — задача непосильная. И всё же я попытаюсь. На полноты картины не претендую.

Важно отметить и то, что большевики подбирали уце-

левших – тех, кто не успел эмигрировать. Валентина Попова (Колосова) была расстреляна вместе с мужем, та же участь постигла Марию Спиридонову, Александру Измайлович, Анастасию Биценко (Камористую); Абрам Гоц умер в ГУЛАГе. (Ивановская П. С. В Боевой организации эсеров. Воспоминания. Москва, 1928; Школьник М. М. Жизнь бывшей террористки. М., 1927; А. А. Измайлович. Из прошлого. В журналах «Каторга и ссылка», 1923, №7 и 1924, №1).

Кто есть кто

*Егор Созонов (1879-1910) – убийца [В. К. Плеве](#). Он родился в Вятской губернии, в семье старообрядцев. «Для него, – писал Борис Савинков, – террор, прежде всего, был личной жертвой, подвигом. Революционер старого, народо-вольческого, крепкого закала, Созонов не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему «не убий». Созонов был социалист-революционер, человек, прошедший школу Михайловского и Лаврова., фанатик революции, ничего не видевший и не признававший кроме нее...

Созонов был молод, здоров и силен. От его искрящихся глаз и румяных щек веяло силой молодой жизни. Вспыльчивый и сердечный, с кротким, любящим сердцем, он своей жизнерадостностью только ещё больше оттенял тихую грусть Доры Бриллиант. Он верил в победу и ждал её» (Са-

винков Б. В. Избранное. Москва, Политиздат, 1990).

«По рождению я происхожу из благомыслящей, в высшей степени религиозной и монархически настроенной крестьянской семьи, которая переселилась из деревни в город и там быстро разбогатела эксплуатацией бакирских лесов – сравнительно уже поздно, когда мне было лет 10—11, – писал сам Созонов. – Тот дух, которым я был пропитан, пока находился всецело и единственно под влиянием семьи, был в высшей степени враждебен какому-либо протесту или недовольству строем жизни русской. Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца» (Материалы для биографии Егора Созонова. Воспоминания. Письма. Документы. Портреты. Москва, издание журнала «Голос минувшего», 1919).

Созонов поступил на медицинский факультет Московского университета. В студенческих кружках не замечался. Однако весть о том, что почти двести киевских студентов отдали в солдаты, вызвала в душе юноши бурный протест, и он принял участие в демонстрации.

После ареста Созонова исключили из университета и сослали в Уфу. В начале 1901 года вновь был арестован за хранение нелегальной литературы и отправлен в Восточную Сибирь, в Якутию. Во время этапирования бежал. В 1904 году убийство В.К.Плеве после нескольких неудачных попыток состоялось.

Созонов был тяжело ранен и избит полицейскими

и охранниками, арестован, доставлен в Александровскую и прооперирован. Его лишили всех прав и заключили на бессрочное содержание в Шлиссельбургскую крепость. Однако после амнистии 1905 года Созонова отправили на Нерчинские рудники.

В конце 1907 года его перевели в Зерентуйскую каторжную тюрьму. Там режим содержания ссыльных был более свободным. Но как раз в это время сюда прислали нового начальника тюрьмы И. И. Высоцкого. Преисполненный служебным рвением, он, придравшись к ничтожному поводу в двум политическим заключённым – Петрову и Сломянскому, – приказал их выпороть. Чтобы привлечь к судьбам узников общественное мнение, 27 ноября (10 декабря) 1910 года Созонов принял яд.

Весть о самоубийстве Созонова произвела сильное впечатление на русское общество и явилось одним из поводов студенческих волнений. Его сожигательница, Паллада Старынкевич, была известной поэтессой, имела от Созонова двоих детей.

*Палада Старынкевич (1885—1968) пять раз меняла свою фамилию. Была и Пэдди-Кабецкой, и Богдановой-Бельской, и Дерюжинской, и Берг, и Гросс (под этой фамилией она похоронена). Но в истории российской поэзии известна как Богданова-Бельская.

Она была дочерью генерала, внучкой директора москов-

ской гимназии. Окончила драматическую студию, была за-
всегдаем петербургского кабаре «Бродячая собака», зна-
ла практически всех петербургских литераторов. Михаил
Кузмин посвятил Палладе последний куплет гимна «Бродя-
чей собаки»:

Не забыта и Паллада
В титулованном кругу,
Словно древняя Дриада,
И где надо и не надо
Не ответит, не ответит,
не ответит «не могу»!

А вот стихи Игоря Северянина, написанные позже:

Она была худа, как смертный грех,
И так несбыточно миниатюрна...
Я помню только рот ее и мех,
Скрывавший всю и вздрагивавший бурно.
Смех, точно кашель. Кашель, точно смех.
И этот рот – бесчисленных прахов урна...
Я у нее встречал богему, – тех,
Кто жил самозабвенно-авантюрно.
Уродливый и бледный Гумилёв
Любил низать пред нею жемчуг слов,
Субтильный Жорж Иванов – пить усладу,
Евреинов – бросаться на костёр...

Мужчина каждый делался остёр,

Почуяв изошрённую Палладу...

Нельзя сказать, что Паллада была нимфоманкой, но мужчин меняла, как перчатки. Анна Ахматова вспоминала: когда Богданова-Бельская, рассказывая о каких-то прошлых событиях, спрашивала у неё: «Ты не помнишь, с кем я тогда жила?». Среди её кавалеров был даже гомосексуалист, юный поэт-гусар Всеволод Князев, известный своими интимными отношениями с Кузминым убийца начальника Петроградской ЧК Моисея Урицкого Леонид Каннегисер. Из-за любви к ней и бесчисленных измен Паллады застрелились сын генерала Головачёва и внук драматурга Александра Островского, причем последний сделал это на глазах у Паллады. Она фигурирует в романе Михаила Кузмина «Плавающие-путешествующие» как Полина. В записках художника В. А. Милашевского – как Паллада Скуратова (намёк на то, что Богданов-Бельский был каким-то потомком Малюты Скуратова), а в повести О. Морозовой «Одна судьба» – как Диана Олимпьевна.

Стихи Паллады пользовались популярностью. В журнале «Аргус» она вела рубрику «Горячие советы о красоте дамам и джентльменам». Паллада никуда не уезжала из Петербурга и умерла там, всеми забытая.

*Игорь Северянин (настоящая фамилия Лотарев; 1887—1941) – [Таллин](#)) – русский аэст «Серебряного века». Одно

время его популярность затмевала популярность Владимира Маяковского. Он даже был избран «королём поэтов». Эмигрировал.

*Михаил Кузмин (1872—1936) – русский литератор и композитор. Известен как гомосексуалист, не скрывающий своих пристрастий. Его партнёром был дипломат Георгий Чичерин. Жил в Ленинграде.

*Георгий Чичерин (1872—1936)) – нарком иностранных дел РСФСР и СССР. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С юных лет был эрудитом, полиглотом, прекрасно играл на рояле и обладал феноменальной памятью. Был дружен с поэтом Михаилом Кузминвым. Впрочем, их связывала не только дружба...

*Николай Михайловский (1842-1904) – русский публицист, социолог и литературовед, критик, переводчик. Теоретик народничества.

Учился в Петербургском институте горных инженеров. Литературную деятельность начал в 1860 году. Публиковался во многих периодических изданиях, в том числе в журнале «Отечественные записки». После смерти Н. А. Некрасова стал одним из редакторов журнала.

В 1879 году сблизился с организацией «Народная Воля», однако об этих контактах полиции было неизвестно.

Михайловский разрабатывал теорию «героев» и «толпы», объяснявшую механизм коллективного действия склонностью человека к подражанию. Выступал против русских марксистов, обвиняя их в защите капитализма. Впервые выдвинул идею воздействия на правительство путём террора.

В начале XX века Михайловского ставили в один ряд с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским. Однако после 1917 года его слава померкла: он был оппонентом марксизма.

*Дора Бриллиант (1879-1909) – член партии социалистов-революционеров) и их Боевой организации, участница организации покушений на министра внутренних дел Вячеслава Плеве и великого князя Сергея Александровича. «Маленького роста, с черными волосами и громадными, тоже черными, глазами, Дора Бриллиант с первой же встречи показала мне человеком, фанатически преданным революции, – вспоминал Борис Савинков. – Но, признавая необходимость политических убийств, она, тем не менее, боялась их» (Савинков Б. В. Избранное. Москва, Политиздат, 1990).

После убийства Плеве Дору Бриллиант мучили угрызения совести, также как и после убийства великого князя Сергея Александровича. В конце 1905 года во время облавы она была арестована в тайной химической лаборатории эсеров в Санкт-Петербурге. За участие в покушениях Дора Брилли-

ант была осуждена к лишению свободы и заключена в Петропавловскую крепость. Там она сошла с ума и вскоре скончалась.

*Эсфирь Лапина (Бэла;? -1909) – руководитель боевой группы в Петербурге в 1906 году, ставящей своей задачей убийство петербургского градоначальника генерала фон дер Лауница. Группа распалась. Лапина покончила с собой, будучи ошибочно заподозренная в провокации.

*Лидия Руднева (1880—1912) 15 апреля 1911 года в Вологде выстрелами из револьвера в театре и ранила в руку и в голову тюремного инспектора А. В. Ефимова. Скрылась. Мотив покушения – наведение Ефимовым «дисциплины» в Вологодском центральном, которое спровоцировало бунт. При его подавлении двое заключенных были убиты, 76 высечены розгами.

Будучи арестованной, Руднев, симулировала в тюрьме сумасшествие и добилась освобождения. Умерла в Париже; скорее всего, покончила жизнь самоубийством.

*Алексей Покотилов (1879—1904) – участник подготовки покушения на министра внутренних дел В. К. Плеве.

Во время учёбы в университете Покотилов вышел на демонстрацию у Казанского собора в Санкт-Петербурге, за что был выслан из столицы под негласный надзор поли-

ции сроком на два года. Из Полтавы, куда он был сослан, Покотиллов бежал за границу. Там примкнул к эсерам. Работал в динамитной мастерской.

В начале 1904 года приехал в Россию. Снял номер в гостинице «Северная». Из-за чего произошёл взрыв, неясно, но Покотиллов погиб на месте.

*Максимилиан Швейцер (1881—1905) погиб точно так же, как и Алексей Покотиллов. Он тоже занимался изготовлением бомб для совершения террористических актов. Такой бомбой был убит Егором Созоновым министр внутренних дел В.К.Плеве.

Но боевики планировали ещё целую серию терактов. Швейцер привёз бомбы из-за границы. Однако в ночь с 25 на 26 февраля (10—11 марта) 1906 года они сдетонировали, и Швейцер погиб в номере петербургской гостиницы «Бристоль» в результате взрыва. «Номер 27 носил следы полного разрушения, — писал Борис Савинков. — Стены в этой комнате оказались частью разрушенными, частью выпученными наружу. Штукатурка потолка и карнизов растрескалась и местами обвалилась. В окнах все стекла и рамы выбиты и разрушены. Подоконник и часть рамы окна, ближайшего к ресторану «Мишель», обуглены, как равно и обои в этом месте. В амбразуре второго окна, на штукатурке откосов и в остатках рамы имеются выбоины, а откос окна забрызган кровью. Печка частью разрушена. Пол

комнаты сплошь покрыт обломками деревянной перегородки, отделявшей соседний номер, штукатурки и мебели. Металлическая кровать с двумя матрацами, стоявшая у капитальной стены, засыпана штукатуркой; на ней в скомканном виде лежали две подушки, две простыни, два байковых одеяла, номер газеты «Neue Freie Presse» от 24 февраля и книги на французском языке. У капитальной стены, прилегающей к световому дворику, стояли комод и шкаф, от которых после взрыва остались только обломки задних стен. У стены, выходящей на Вознесенский проспект, стояли: письменный стол, трюмо и этажерка, но от этих вещей не осталось даже следа. У капитальной стены в том месте, где находились комод и шкаф, на груде обломков досок и мебели, в расстоянии одного аршина от стены, лежал обезображенный труп мужчины. Голова его, обращенная к окнам, откинута назад, так что открыта шея, лицо обращено прямо к окнам. Туловище лежит спиной книзу. Грудная полость совершенно открыта спереди, в правой её половине ничего нет, позвоночник в грудной и отчасти в брюшной полости открыт. Из левой половины грудной полости видны оба легкие. В связи с головой сохранились части плечевого пояса с прилегающими мышцами, а также руки без кистей и части предплечья. Брюшная полость совершенно разорвана; сердце было найдено среди обломков мышц в области левого плечевого сустава. Правая нога с частью таза лежит параллельно туловищу, на ней имеются остатки нижнего

беля. Левая нога, с частью тазовой кости лежит на разрушенной стене, служившей перегородкой между 26 и 27 номерами. Части пальцев и мягких частей тела были найдены в Исаакиевском сквере. В комнате №27 были найдены вещи, принадлежавшие погибшему от взрыва: иностранный паспорт на имя великобританского подданного Артура Генри Мюр Мак-Куллона и различные предметы, составляющие, по-видимому, части разорвавшегося снаряда. Эти последние были исследованы экспертом, который, на основании результатов исследования, дал следующее заключение: взорвавшийся снаряд был устроен так, что мог употребляться, как метательный .... Оболочка его была легкая, из жести, 0,3 миллиметра. Разрывной заряд снаряда составлял магнезиальный динамит, приближающийся по силе к грему-чему студню, наиболее сильному из нитроглицериновых препаратов. Взрыв произошел от взрывчатого вещества детонатора... Смерть [Швейцера] наступила моментально (Савинков Б. В. Избранное. Москва, Политиздат, 1990).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.